

АЛЕКСАНДР
СИВИНСКИХ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ СТЕНЫ

Проходящий сквозь стены

Александр Сивинских

Проходящий сквозь стены

«Автор»

2004

Сивинских А. В.

Проходящий сквозь стены / А. В. Сивинских — «Автор»,
2004 — (Проходящий сквозь стены)

Тайные общества и мифические чудовища... Древние манускрипты, хранящие ошеломительные тайны грядущего... Зловещие кракены и безжалостные опричники... Оборотни на службе китайской разведки; колченогие байкеры-самураи с неустойчивой психикой; прекрасные весталки; великие и малые комбинаторы; ожившие глиняные болваны... А еще каскад схваток, лавина погонь, а напоследок — возможность спасти цивилизацию.

© Сивинских А. В., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	22
Глава третья	32
Глава четвертая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Сивинских

Проходящий сквозь стены

Если сильно придирается к этим историям, можно найти в них массу несоответствий и нелепостей. А если не придирается вовсе, то и сойдёт за правду, потому что за правду, если вспомнить, и не такое сходило...

Михаил Успенский

...И к чему вымыслы там, где и так довольно одной страшной правды?

Кондратий Биркин

... И зачем чёрт дёрнул меня связаться в это дело?

Мольер

Глава первая

КОНЬ В ПАЛЬТО

Ну и жаркая выдалась ночь! Сначала эта сумасшедшая, жутковатая и, как выяснилось под конец, совершенно бессмысленная свистопляска в музее палеонтологии (о ней я как-нибудь в другой раз расскажу), а потом... Потом я прибыл домой. Я буквально с ног валился от усталости и бухнулся в кровать, даже не почистив зубы...

Однако со сном пришлось погодить.

Ретивые молодожёны за стенкой. Угу, угу. Именно то, что вы подумали. Только вряд ли вам удастся вообразить, *насколько* эти голубки оказались ретивы. Время шло, утро неумолимо приближалось, а они никак не желали уgomониться! Никак. И изобретательность... О, самые разнообразные предметы в их квартире так и ходили ходуном – и каждый при этом звучал своим, неповторимым образом. Ну и, конечно же, сами любовники прилагали массу усилий, аккомпанируя молодыми здоровыми голосами скрипу, стуку и содроганию мебели. Особенно старалась новобрачная; и поверьте, её ликующие возгласы решительно нельзя было назвать убаюкивающими.

Чего я только не испробовал: прятал голову под подушку, пил успокаивающий нервы чай из Melissa, занимался само... (да бросьте ржать!) самогипнозом. Всё зря! Хуже того, когда девушка принималась стонать совсем уж проникновенно, приходилось спасаться под холодным душем.

В какой-то момент у меня даже мелькнула предательская мысль позвонить маме и попроситься на ночлег в бывшую свою детскую комнату. Но потом я представил её красивое лицо с презрительно поджатыми губами, прищуренные глаза, бросаемые ею холодные отрывистые фразы («Знаешь, Поль, мы отсюда уже выбросили твою софу и поставили колыбельку для будущего ребёнка»). Представил отца, глядящего дружелюбно и виновато. Представил эту самую колыбельку с подвешенными над ней разноцветными журавликами – и понял, что скорее сбегу в парк, на скамеечку, чем туда.

К счастью, под утро сластолюбцы всё-таки исчерпали силы. Или фантазию. Мне, наконец, удалось заснуть. Сон мой был глубок и безоблачен, будто у праведника, одним лишь смирением одолевшего дьявольские козни.

Тем кошмарней было пробуждение.

Едва забрезжил рассвет, у соседа сверху, клокоча и захлебываясь, взревела вода в трубах. Наверное, именно так воеет подстреленный серебряной картечью оборотень. Я плотнее сжал веки и забился глубже под одеяло, ожидая, что стоит потерпеть секунду – и шум исчезнет. Между тем надсадный лязг агонизирующей от чудовишной натуги системы только набирал обороты... И перекрывать краны сосед вовсе не спешил. Похоже, леденящий кровь трубный глас был для него слаще пения ангелов, херувимов и птицы-девы Сирина.

«Он что, глухой? – думал я, мало-помалу сатанея. – Серные пробки в ушах? Или нарочно издевается?» Чем дольше грохотало, тем больше я склонялся к тому, чтобы утвердиться в последнем предположении. Должен заранее признаться, что терпимость моя имеет простран-ные, однако чётко очерченные, раз и навсегда установленные границы. Так вот, с недосыпа я бываю раздражён. Иной раз слегка, иной раз терпимо. Иногда – весьма.

Сегодня уровень моей раздражённости приближался к ярко-красной отметке «чрезвычайно». Поэтому на исходе третьей минуты звучания этого «ноктюрна водопроводных труб» участь соседа сверху была решена. От идеи задать горе-флейтисту незабываемый урок удерживать меня могло только чудо. Но чудес, ребята, не бывает. Это я вам как специалист говорю.

Играя желваками, я прошагал в ванную комнату, взобрался на стиральную машину, присел на корточки, суеверно сказал: «Кривая, вывези», сильно оттолкнулся... и прыгнул.

Сквозь потолок.

Боюсь, что вид у меня после путешествия через тяжёлый армированный бетон перекрытий был несколько помятым. А уж мое внезапное вырастание наподобие гигантского гриба прямо из пола могло привести в замешательство кого угодно. Он так и застыл, вытаращив испуганно глаза: тощий бледный мужичок в выцветших «семейниках», украшенных бледными облачками и звёздочками. В руке его зудела, точно бор стоматолога, электрическая зубная щётка с растрепавшейся щетиной. Витал слабый запах хвои.

– Т-ты кто? – пробормотал он, роняя с губ пузырящуюся пену «Кедрового бальзама». Ладно, хоть в обморок не брякнулся.

А вопрос был хорош, что называется, в лоб. И, наверное, поставил бы в затруднение кого угодно. Но только не меня.

– Конь в пальто! – ответил я и превратился в хорошо одетого пони. После чего постучал подкованным копытом по содрогающемуся в корчах смесителю и сурово спросил: – Что тут у нас за безобразие, а? Ритуальная музыка сибирских шаманов? Сочинение Шнитке «Жизнь с идиотом»? – Я посмотрел на него в упор и угрожающе проржал: – Сегодня же замени прокладки, козлина! Или жди серого волка.

Мужичонка козлом не оборотился, а швырнул в меня щётку, азартно взвизгнул и бросился вон. Убегал он, не выпуская жуткого пришельца из виду, поэтому налетел плечом на дверной косяк и здорово ударился. Это, тем не менее, лишь придало ему сил и скорости.

Я был совершенно не уверен, что он понял и осознал сказанное. А тем более – что принял к сведению. Поэтому, закрыв благодарно хрюкнувшие краны (заметьте, непарным копытом) последовал за ним.

В голове вертелось знаменитое: «Деточка, все мы немножко лошади, каждый из нас посвоему лошадь». Подковы оставляли на линолеуме глубокие вмятины.

Поиски не затянулись. Мужичок обнаружился в кухне сидящим прямо на полу между столом и холодильником. Выставив перед собою крошечный топорик для разделки мяса, он вдохновенно стучал зубами и торопливо всхлипывал.

Я остановился в центре кухни и направил на него строгий взгляд:

– Так. А здесь, дядя, ты давно прокладки менял?

Он не ответил, застучав ещё звучнее вставными – жёлтого металла и бело-голубого пластика зубами, и ухватился за топорик второй рукой. Губы его были уже сухими и чистыми. Пасту он, видно, успел слизать и проглотить.

– Понятно, – недовольно всхрипнул я, поднимаясь для большей внушительности на дыбы и пританцовывая. – Никогда не менял. Ну так займись этим сегодня же! Настоятельно рекомендую! – Я погрозил ему копытом и медленно ушёл в пол.

Когда я погрузился приблизительно до шеи, мужик, наконец, заголосил. И кричал ещё долго: я уже был дома, приводил себя в человеческий вид, а он всё никак не мог успокоиться. Для меня, однако, не было в это утро звуков приятней.

Настроение заметно улучшилось, и я с аппетитом позавтракал.

* * *

По пути на работу, а было это часу в одиннадцатом, я не удержался и завернул в небольшой, однако крайне симпатичный магазинчик английской одежды «FIVE-O'CLOCK». Не сказать, что мне было очень по пути, но... Но больно уж захотелось на куколку свою поглядеть. На Аннушку.

О том, что я считаю её куколкой (тем более своей), она, вероятнее всего, не подозревает. Как-то не представилось случая известить. Служит Аннушка в этом чисто мужском магазине ведущим продавцом-консультантом. Подозреваю, что специалист по подбору кадров в «FIVE-O'CLOCK»-е – хороший психолог. Потому что едва ли не каждые здешние девять посетителей из десяти – вроде меня. Приходят в магазин единственно на прелестную консультантку поглядеть да советы, даваемые хрустальным голоском, послушать. Где уж после этого от покупки отказаться?

Козлы.

Аннушка скучала в галантерейном отделе. Тая и млея под её васильковым взглядом, я пощёлкал зажигалкой, которая была мне нужна как монпансье к пиву, перебрал десяток столь же необходимых галстуков и наконец приобрел яично-жёлтый поясной ремень с белой строчкой. Бюджету моему, и без того почти окончательно истощённому, был нанесён этим ремнём сокрушительный удар по филейным частям. Чего, однако, не сделаешь ради прекрасных глаз!

Уходя, я шепнул: «До завтра, ангел...»

* * *

Шеф нависал над столом подобно грозовой туче, разве что молний не метал. Тоже, наверное, не выпался. А туча была самая настоящая: начальником-то у меня не абы кто – ближневосточный ифрит 435-го до новой эры года рождения. В наследство от мрачных веков, известных оголтелым рабством и неуважением прав человека, у Сулеймана Маймуновича остались неистребимая любовь к сладостям и дешёвым видеоэффектам, а так же скверный характер. Как ни удивительно, почти то же самое можно сказать обо мне. Сладости, эффекты, характер. А что вы хотели? Каков поп, таков и приход.

– Так, Павлин-мавлин! – загромыхал шеф, бравируя акцентом. Вообще-то я Павел. А для родных – Поль, в честь прадеда-француза. Если верить семейным преданиям, он был летчиком из «Нормандия-Неман». Но шеф со мной в родственных связях не состоит.

– Раскрой глаза и уши и внимай с почтением, несчастный! – продолжал Сулейман, не преминув лишний раз воздать дань восточному имиджу. Я уже собирался возмутиться по поводу «несчастливого», но он вдруг заговорил вполне по-человечески. – С гробокопателями мы худо-бедно расплевались...

Шеф умолк на целую минуту, вспоминая, видно, *как именно* мы расплёвывались с палеонтологами-«гробокопателями». Да уж, подумал я с удовольствием, после Сулеймановых плевков худо им, бедным, пришлось. Ой, худо!

В туче тем временем нарастало бурление. Недра её озарили оранжевые сполохи а-ля воскресный фейерверк в тматороканском ЦПКиО.

– ...Но прохлаждаться время ещё не наступило. Ибо образовалась работёнка. В самый раз для тебя. Одна деловая девушка (у Сулеймана все представительницы прекрасного пола – девушки; что, в свете его солидного возраста, как раз и не удивительно) набрала, понимаешь, бешеные темпы в своей деловой области. Бизнес у неё так и плодоносит. На горе, понимаешь, конкурентам. Очень, очень уважаемым людям. Пришлось им, яхонтовым, раскошелиться на наши услуги. – Сулейман оборотился жирным котом и сладко облизнулся. Потом брякнулся на бок, аж стол загудел, прищурился и облизнулся ещё раз. Значит, раскошелиться заказчикам пришлось изрядно, понял я. Котище, отбивая хвостом «Танец с саблями», мяукнул: – Пойдешь к ней и наймёшься личным секретарём. Со старым она вчера рассталась. Оказался чужой насадкой. А я так на него надеялся, на идиота!

«Подсадкой», – тактично поправил я его. Не вслух, конечно. Вслух я сказал:

– Но, шеф! Боюсь, я мало смыслю в документообороте и прочих секретарских премудростях. Она раскусит меня за день.

– Не смыслит он... Тебе это и ни к чему. Я сказал – будешь личным секретарём. Мальчиком на побегушках, понятно? Главным образом жду от тебя сведений об окружении фигурантки, её контактах, увлечениях и прочем.

– Короче, данных для возможного шантажа, – деловито конкретизировал я.

– Можно сказать и так, – нехотя согласился чистоплюй-шеф. – Для этого у тебя, надеюсь, навыков хватит. Возьми папирусы!

Он подтолкнул ко мне лапой прозрачный скоросшиватель. На первой странице я углядел крупную тиснёную надпись «Diploma» и собственное имя, начертанное латиницей. Недурственная подделка.

– А чем девушка занимается?

– Компьютерами. – Шеф возмущенно зафырчал. Компьютеров он не выносит. – Работать будешь с напарником. Сейчас я его позову...

Кот-Сулейман извлек из воздуха медный судейский свисток с длинным мундштуком и дунул в него, уморительно встопорщив усы и прижав уши.

Я отвернулся, пряча улыбку.

* * *

Рановато я веселиться начал.

В напарники мне достался Жерар – мелкий бес в образе йоркширского терьера.

Недолюбливаю бесов. Нечисть они и враги рода человеческого, тьфу на них через левое плечо! Об этом превосходно осведомлён Сулейман и посему считает полезным отряжать мне в подмогу именно Жерара. В интересах дела. Знает: я ногтями землю рыть буду, чтобы выполнить задачу самостоятельно, а богомерзкого помощника оставить в дураках.

Тоже психолог. Лампы на него нету! А может и есть. Ну, уж если отыщу её когда-нибудь...

С Жераром я знаком давно. Это обаятельное создание обладает располагающей к себе внешностью, мерзким писклявым голоском и неистребимыми замашками лидера. Лохматый поганец и сегодня попытался с самого начала захватить командование в свои куцые лапки.

– Паша, – торопливо залаял он, едва мы вышли от Сулеймана, – слушай план! Колоссальный план...

Пришлось его слегка поучить.

– Жерарчик, – сказал я препротивным голосом, беря его за шкуру и ласково встряхивая. Кажется, при этом бесёнок прикусил язычок. Он сдавленно взвизгнул, заткнулся и нервно засучил лапками. – Запомни накрепко, заруби на носу и намотай на ус: ты мне не указ! Я сам

по себе, ты тоже. Как только об этом забудешь, я повешу тебя на твоём же поводке. Скоро и высоко. Или... – Я скорчил плотоядную гримасу. – Бесам известен великий русский писатель Тургенев?

Жерар уныло твякнул:

– «Му-му»?

– Рад, что ты так начитан, дружок, – злорадно усмехнулся я.

* * *

Деловая девушка звалась Софья Романовна и выглядела на ять. Лет ей было около тридцати. Ростом невеличка: пикантная полноватая брюнеточка, весьма, впрочем, симпатичная. Что называется, «ухоженная». Улыбчивая такая... Не представляю её в роли акулы бизнеса.

Первым делом она запала, понятно, на Жерарчика – бесенок сразу перекочевал к ней на руки. После чего мои поддельные рекомендательные письма и фальшивые – или все-таки подлинные? – свидетельства об окончании престижных учебных заведений стали лишь необязательным довеском к его доверчиво распахнутым глазам.

На меня она взглянула мельком, но я ей тоже понравился. Иначе и быть не могло. Я всем дамам нравлюсь: славный синеглазый мальчик со смазливой рожицей, благоухающий ароматом «XS». Довольно точное мнение о моём облике можно составить, перелистав детскую книжку и обратив внимание на иллюстрации. Двенадцать сказочных принцев на дюжину – вылитый я. Поль Викторович Дезире. Мечтательный и чуточку инфантильный. Стройный. Гордая посадка головы и пепельные локоны, подстриженные в соответствии с современной модой. Не хватает мне только шпажки на боку, бархатного берета со страусовым пером, брыжей, лосин, штанов фонариками и прочей дребедени вроде пряжек, башмаков на каблуках и атласных плащей.

Конечно, такая внешность служит хорошим подспорьем в моей работе, однако сам я от неё далеко не в восторге. Мне бы мужественности. Сажённых плеч, недельной щетины, роко-чущего баса. Скупых и исполненных силы жестов. Однако повторяю, имеется лишь мечтательность и инфантилизм. Хотелось бы возразить, что первое впечатление обманчиво, но я воздержусь. Всё равно ведь никто не поверит в стальную жесткость и холодную безжалостность такого пупсика.

За эту-то внешность и ценит меня бессменный шеф и владелец детективного агентства «Серендиб» бей Сулейман Куман эль Бахлы ибн Маймун и прочая и прочая. Всего двадцать девять имён собственных, не считая артиклей, предлогов и компонентов, обозначающих степени родства. Да потому ещё, что стены и потолки для меня – не преграда. Вижу я сквозь них неважно, слышу неплохо, а вот прохожу через большинство без особых затруднений.

* * *

Благодарить за волшебный дар я обязан отца. Мама в молодости была удивительной красавицей. Она и сейчас может свести с ума кого угодно, а уж двадцать-то лет назад... Вот этот стервец и повадился к ней ходить по ночам. Сквозь стены. Она-то, бедняжка, всё думала, что призракный добрый молодец – её невинный эротический сон. До тех самых пор, пока не поняла, что беременна. На следующую же ночь она назвала папочку подлецом, отхлестала по щекам и прогнала. Навсегда.

Я ни о чём таком не подозревал, называл папой отчима (Дезире – мамина девичья фамилия) и рос вполне обычным ребенком. «Прозрение» пришло вместе с прыщами и прочими атрибутами полового созревания. Сначала я стал слышать по ночам странные звуки из родительской спальни. Что это за звуки я понимал, но слышать сквозь четыре капитальные стены, кухню и ванную!.. Разве это возможно? Я стал плохо спать. Мучился страшно. И однажды

не выдержал. Взвыл, бросился на стену... и не заметил, как скользнул в сероватую зыбь. Раз, другой – и вдруг оказался прямо перед супружеской кроватью. Перед соседской. Хозяева, к счастью, были заняты друг другом, поэтому меня не заметили. И настолько мне гадостно сделалось, что я безумно возжелал провалиться сквозь пол, стать невидимкой или предметом мебели. Креслом, например. И тут же провалился! По колено. И креслом стал вдобавок. Велюровым, с ореховыми подлокотниками и изгрызенной мышами задней ножкой. Когда соседи заснули, скользнул обратно.

Как только прошло первое ошеломление, я храбро приступил к экспериментам над собой. Вот дурак-то! Не знал, что кое-какие из них окажутся совсем не безобидными. Начинать тренировки дома, и сперва настоящие неприятности обходили меня стороной. Лазал из комнаты в комнату, в шкаф и назад, из квартиры на улицу. Благо жили мы на первом этаже, а моя комната примыкала к глухому углу сквера.

Кирпич и дерево пропускали меня отлично. Стекло, лёгкие бетоны и пластик – хорошо. Железобетон – удовлетворительно. Зато металл... После попытки атаковать стальную дверь я насилу сумел вернуть себе человеческий облик. А выпал из неё такой отвратительной массой, что зеркало, стоящее в прихожей, треснуло, отразив кучу слизи, которой я стал. После я мучительно хворал целую неделю. И ещё целый месяц не проходил странный изматывающий зуд – не снаружи, а как бы изнутри тела. Чешись, не чешись, всё едино: зудит, да и только.

Не скоро после того я возобновил опыты. И был уже значительно осторожней.

Прохождение через преграду – огромный стресс для организма. Практиковать его лучше всего на полупустой желудок, хорошенько выспавшись, в спокойном, сосредоточенном на достижении результата состоянии духа. Проникновение «на нервах» (таким было первое) удаётся раз в году, да и восстанавливаешься после него втрое дольше. Но в любом случае заниматься этим делом слишком часто не стоит. Есть риск серьёзно подорвать здоровье. Я как спортсмен-чемпион, который способен на рекордный прыжок, толчок, забег, заплыв. На то, что другим не под силу. Однако вряд ли подобный супермен станет поминутно рвать трехсоткилограммовую штангу или пробегать стометровку быстрее девяти секунд, разрывая жилы и калеча связки.

Побочным эффектом является возможность в первые минуты после проникновения видоизменять собственное тело. Видимо, межмолекулярные связи на момент выхода из стены до такой степени ослаблены, что организм становится сверхпластичным. Одним волевым усилием из него можно лепить что угодно. Хоть пони с подковами, хоть кресло с ореховыми подлокотниками. Ответил бы кто-нибудь, где эта самая воля вкупе с разумом и чувствами гнездится, когда я сквозь стены просачиваюсь? Как начинаю об этом думать, не по себе делается. Вдруг в один совсем не прекрасный день появлюсь с той стороны законченным дебилом? А сознание так и останется замурованным в камне на веки вечные.

Страшно, по-настоящему страшно...

Мама довольно скоро обо всём догадалась. Отправила меня к двоюродной бабке в деревню. Деревня была – одни старики да старухи. Молодёжь в ней представляла печальную пятнадцатилетнюю кобыла Холера, состоящая при лесопилке. Культурные развлечения – бабушкин доисторический телевизор «Чайка 4», принимающий две программы. В школу будто Филипок пешком ходил – семь вёрст и всё лесом. Однажды даже от волков пришлось спасаться. Видеть-то я их не видел, но слышал. Ах, как я бежал! Как бежал!

За неимением других занятий, я активно практиковался в проникновении сквозь различные преграды и в последующих превращениях. (Хоть, говоря по правде, превращаться недолюблю. Есть в этом что-то от надевания чужой несвежей одежды или пользования чужими предметами гигиены. Удовольствие сомнительное.) Это отчасти заменяло мне девочек: свежие липовые доски, а особенно – живая берёза; оч-чень рекомендую. Спорт: каменная кладка. И зрелища: вечерние прогулки в роли какого-нибудь чудовища под чьи-нибудь окна. Как и сле-

довало ожидать, в конце концов, по мне пальнули-таки из дробовика. После чего список развлечений пришлось подвергнуть существенному купированию.

Окончить сельскую школу с золотой медалью не составило для меня труда.

Сулейман Маймунович поджидал меня в приемной комиссии выбранного мамой вуза и выложил сразу всё.

Эффект прохождения человека сквозь предметы (зачастую с последующим преображением в животных) известен издревле. Одно из первых на удивление подробных описаний подобного явления содержится в «Слове о полку Игореве». Фантастическое бегство пленённого князя Игоря из Земли Половецкой в Землю Русскую – ярчайший тому пример. И действительно, достаточно вспомнить, как Дажьбожий внук, *неведомым способом* вырвавшись из половецких застенков, пошёл в побег, перекидываясь то горностаем, то белым гоголем, то волком, а то соколом, как становится ясно, что мы с Игорем Святославичем одним миром мазаны. Во времена шустрого князя-авантюриста способность проникать сквозь предметы считалась, естественно, волшебной. Хотя таковой, строго говоря, не является. К сожалению, физический смысл этого феномена толком не объяснён до сих пор. Серьёзные учёные признать его существование не могут, ибо шарлатанскими чудесами не занимаются. Энтузиастов же хватило лишь на то, чтобы дать замечательному эффекту умное название *транспозиция*. Или иначе *диффузная комбинаторика* – это уж кому как больше нравится. Поэтому я, между прочим, зовусь комбинатор.

– Великий? – помнится, сострил я.

– Э, мальчик, до великого ещё дорости надо, – ответил без усмешки Куман эль Бахлы. – Даже самый превосходный алмаз долго гранят и ещё дольше подыскивают ему оправу, прежде чем он станет по-настоящему бесценным!

Умением совершать транспозиции обладают крайне редкие особи не только человеческой, но и нечеловеческой природы. Тем выше этот дар ценится. Сулейман – один из немногих, кто знает истинную цену; мало того, он готов её предложить.

Шлифовать способности в случае согласия мне предстояло, работая частным детективом. От оплаты – сумма была названа небрежным тоном, но поверьте, для меня в то время это была действительно *сумма* – отказался бы только законченный идиот. Кроме того... Заниматься любимым делом и получать за это деньги?! Я не колебался ни минуты.

Я был счастлив.

Университет был забыт. Едва поступив в него с грехом пополам (о том, что это был за грех, рассказывать просто не хочу), я ушёл в академический отпуск и с жаром принялся за дело.

Мама обругала меня соглядатаем и наушником, помянула недобрым словом папочкину дурную наследственность, сняла для меня отдельную квартиру и предложила не показываться ей на глаза. Вот и вся предыстория.

* * *

Софья Романовна, наигравшись собачонкой, соизволила вспомнить и обо мне:

– Заскучали? Или ревнуете?

– Да ни боже мой, – сказал я.

– А вы знаете, что похожи на юного Пола Маккартни?

Я скромно потупился.

– У нас даже имена почти одинаковые.

– Занятно... И как же в таком случае вас зовут, прекрасное дитя?

– Полем, мадемуазель.

– Полем? Вы случайно не француз, Поль? – Моё «мадемуазель» ей определённо понравилось.

– Oui. Mais entre nous soit dit – très peu¹, – отшутился я.

– Très peu? Как мило, – рассмеялась Софья, пытаюсь скрыть озадаченность.

Похоже, с французским у неё были нелады. Как впрочем, и у меня. Десяток заученных броских фраз – вот всё, чем я могу щегольнуть при случае.

– Хорошо, Поль, – сказала она, – я беру вас. Вместе с пёсиком, разумеется. Скажем, на недельку. Если вы мне подойдете, оставлю. Завтра, в девять часов, придёте по адресу... – она назвала адрес. – Не опаздывайте, Поль! До встречи, Жерар!

* * *

Отрапортовав Сулейману, что внедрение прошло успешно и получив в виде поощрения сакраментальное: «Ай, маладэц, Павлинчик! Люблю тебя, как сына! На, скушай халву», я отправился домой. Вздремнуть после невольного ночного бдения. Если, конечно, удастся. Молодожены вполне могли проснуться и сызнова заняться друг другом. Со свежими силами.

Бес заявил, что ему по пути и, как я ни ворчал, побежал следом.

Халва оказалась бесподобной. Ни в самом дорогом магазине, ни даже на базаре такой не купишь. Впрочем, у шефа имеются собственные, свято сберегаемые каналы во все части света. Рассказывают о неких настырных личностях, которые пронюхали об этих каналах и попытались впрячь нашего ифрита в контрабанду наркоты. Сперва сулили золотые горы, затем угрожали, а затем исчезли. Если не ошибаюсь, они попали именно туда, куда так упорно рвались. В «Золотой треугольник». Пополнили ряды рабов на опиных плантациях. Кстати, та история имела продолжение. Чуть позже нехорошо заболел один из наших сотрудников. У него загнил язык и стали быстро зарастать толстой подошвенной кожей ушные отверстия. Сейчас он глухонемой инвалид...

В общем, чувства юмора Сулейману не занимать. Правда, чувству этому очень уж много лет. Отчего оно изрядно почернело.

Раньше оно было кроваво-красным.

Жерарчику, видимо, не терпелось поболтать, но на людной улице показывать знание человеческой речи он не решался. Он забегал вперед, трогательно поскуливал и заглядывал мне в глаза. Фантастически подобревший от халвы, я смилоствовался и взял его на руки. Бес тут же приник к моему уху, изображая, будто ласкается к горячо любимому хозяину, и залопотал:

– Соблазни её, Павлуша! Соблазни Софью и дело с концом. Она вполне готова разделить с тобой ложе любви, я это унюхал. Ты ей жутко интересен как мужчина. Шкурой клянусь.

– Отвяжись, – сказал я.

– Ну чего ты ломаешься, – не унимался паршивец. – Она вовсе даже ничего. Скажешь, старовата? Так ведь не в первый же раз.

На что это он намекает, скотина?

– А вот сейчас как швырну тебя под грузовик! – гневно пообещал я.

Жерар поджал хвостик. Под грузовик ему не хотелось.

Проходящие мимо девчонки-сестрёнки, очень юные и миловидные, хором прыснули и уравнили шаги с моими.

– Молодой человек, вы почто животинку тираните?

– Ха! – воскликнул я, останавливаясь. – Это ещё большой вопрос, кто кого тиранит. А густая кровь жертвенного козлица, – я обжёг беса яростным взглядом, – весьма любезна богам.

Из груди терьера исторгся душераздирающий вопль. Глаза наполнились слезами.

Девчонки, уже попавшие в силки его обаяния, посмотрели на меня с укором.

¹ Да. Но между нами говоря – очень мало (*фр.*).

– К чему подобное зверство? Вы его лучше нам подарите, такого мяконького. Такого сладенького. Заодно и познакомимся поближе. Мы и вас в гости пригласим. У нас уютная квартирка. Мы там вдвоём обитаем, и симпатичным гостям всегда рады. Меня зовут Лада. – А я Леля, – представились они, блестя шальными глазами.

Имена их показались мне смутно знакомыми. Откуда бы?

– Между прочим, – они переглянулись, и озорства в их голосах добавилось, – мы такие неразлучные, что всё делаем на пару. Всё-всё...

Всё-всё? И как это прикажете понимать? Я пристальной всмотрелся в девчонок. Они не были, конечно, ослепительными красавицами, но молодость, здоровье и отличное настроение делали своё дело. Смотреть на них было приятно. Действительно, хороши. У обеих на шее золотенькие кулончики в виде рога изобилия. Обе хохочут-заливаются, но, кажется, предлагают себя вполне всерьёз. Какой, однако, сегодня насыщенный день!

– Хочешь, пойдём к девушкам, пёсик? – промурлыкал я. – Они угостят нас вкусеньким. Правда, Лада? Верно, Леля?

– Ой, непременно угостим! – с жаром подтвердили сестрички и выразительно облизнулись, разом вытягиваясь в струнку и похлопывая себя по плоским животам. Почему-то несколько ниже, чем расположен желудок. Под тонкими маечками с изображением дородной большеголовой женщины, простершей длинные руки к небу, обрисовались аппетитные грудки. – Мы ведь и сами уже проголодались.

Я уж совсем было собрался ответить им согласием, но бесёнок мой вдруг чего-то струхнул. Обнял меня лапами за шею и явственно задрожал. Не желаю, дескать, с хозяином расставаться – ни за какие вкусности. Соблазн отдать его шаловливым проказницам был силён, однако уступать соблазну права я не имел. Всё-таки Жерар какой ни есть, а напарник. В разведку вместе ходим. И вообще, предательство, даже по отношению к нечистому духу, безобразно.

– Да вы с ним замучаетесь, – сказал я, морща нос. – Он, подлец, мебель грызет и электрошнуры. И в тапки писает. А сейчас вдобавок ещё глистов где-то подхватил. Опять, наверное, на улице чужой помёт жрал. Ух ты, грязнулька моя! Поросяночек ты мой! – просюсюкал я и, сжав зубы, быстро поцеловал его в морду. – Вот, несусь к ветеринару. Составите компанию?

Девчонки посмотрели на меня с хорошо видимой брезгливостью, отрицательно замотали головами и резко сорвались с места. Я проводил их грустным взглядом и столь же безрадостным вздохом. Ответом мне был перепляс тугих ягодиц сестричек под шелковыми бриджиками – и ответом, выражающим полное, безоговорочное презрение.

А кобельёк на мои слова о пожирании им помёта вдруг обиделся. Заворчал недовольно. Зубки-иглочки показал.

– Вздумаешь укусить, – предупредил я, кривовато улыбаясь и сплевывая попавшую в рот шерстинку, – пожалеешь!

– Глупо было бы... – высокомерно молвил он. – Нужно мне кусаться. Что я, собака?

– Нет, – сказал я. – Ты, Жерарчик, определённо не собака. Ты собачонка. Моська.

– С какими колоссальными грубиянами приходится работать, – пожаловался бес сам себе. – Добра не помнят, советов не слушают. А между тем я старше этого мальчишка раз в тридцать и во столько же раз мудрей. Кабы не я, его бы сегодня высосали досуха во славу матери-сырой земли, а шкурку подкинули в какую-нибудь заштатную больничку. Однако благодарности от него нипочём не дождёшься. Ведь ему и в голову не пришло, что эти милые грации ни кто иные, как вышедшие промыслить мужского семени Макошевы отроковицы. И это притом, что они честно назвались по именам!

Так вот оно что, сообразил я. Лада и Леля – это же мифические спутницы богини матери-сырой земли Макоши. Она и на майках девчонок была намалёвана. И рог изобилия тоже её атрибут. Выходит, прав мой бес, нужно быть с незнакомыми девицами осмотрительней.

Поскольку сейчас самый разгар весенних полевых и садово-огородных работ, нет для последовательниц культа Макоши большей ценности, чем свеженькая семенная жидкость. Земельку ею удобрять.

Кстати, беса моего, попади мы к ним в руки, они выдоили бы тоже. Только если людей от дистрофии кое-как ещё лечат и даже, случаются, вылечивают, то собак... Так что зря Жерарчик брюзжит. Он в первую очередь свои гонады от фатального истощения спасал, а не мои.

Между тем бес закончил свой обвинительный монолог прочувствованным восклицанием: «О, времена, о, нравы!» и попросил уже обычным тоном:

– Опустит-ка меня возле вон той арки, Павлуша.

До арки было метров сто. Прошагав половину, я расслабил руки. Он не слишком ловко приземлился на все четыре лапы. Какой он всё-таки крошечный, незащищенный, вдруг умилился я. Тяжело, наверно, такому на улицах без покровителя приходится.

– Слушай, может тебя проводить? – великодушно предложил я.

– Глупо было бы... – спесиво твякнул бес. – Обойдусь!

– Тогда адью. Да смотри, берегись кошек, малыш! – посоветовал я ему почти без ехидства.

Чуток отбежав, Жерар принялся витиевато ругаться в мой адрес по-венгерски. Должно быть, считал, что не пойму. Я бы и не понял. Способности мои к языкам довольно средние. Или, точнее, избирательные – что-то запоминаю без проблем, что-то с огромным трудом. Брань, однако, особая категория. В ней я большущий дока. А собиранье иноязычных ругательств – моё скромное, не афишируемое хобби. Узнай о нём матушка, вообразила бы, что это – ещё одна наследственная черта, благодарить за которую я должен негодяя-папочку.

Когда бес, закончив поминать лягушатников, петушатников да байстрюков, перешёл на чрево божьей матери и половую жизнь двенадцати апостолов, мне сделалось понятно, что пора вмешаться. Подобную дерзость нельзя прощать даже напарнику. Я воздел длань и слева направо, как мадьяры (они же католики, верно?), перекрестил ему спину. Жерар пронзительно, не по-человечески и не по-звериному, а точно ирландский предвестник смерти баныши или отечественная Карна-печальница взвыл и покатился кувырком. Путь его закончился около опрокинутого бачка для мусора. Бум-с! – глухо загудел бачок.

«Экий конфуз», – подумал я, глядя, как бес барахтается среди омерзительных даже на вид отбросов.

Сочувствия к нему не было. Кроме того я был уверен, что и крестное знамение и мусорные бачки он мне когда-нибудь припомнит. И «Москву» припомнит, дай только срок.

* * *

Возле двери меня перехватил молодцеватый и атлетически сложенный милиционер в чине старшего лейтенанта. Он был высок и безукоризненно прям точно морской офицер. Прям был его тонкий нос и бескомпромиссный срез волевого подбородка, пряма полоска бровей и твёрдая линия рта. По стрелкам его брюк можно было чертить проекты скоростных железных дорог. Жаль, оттопыренные ушки-лопушки несколько портили общее впечатление. При нём была тоненькая офицерская планшетка и складной зонт в чехле. Из планшетки выставлялся краешек наручников.

– Павел Викторович Дезире?

– Он самый, – сказал я, звеня ключами.

– Лейтенант Стукоток. Ваш участковый. Разрешите войти?

– Пожалуйста. – Я отпер дверь, пригласил молодцеватого Стукотока на кухню, подвинул ему табурет и спросил старомодно: – Чему обязан?

Участковый снял фуражку и взбодрил растопыренной пятерней свой короткий светлый «бобрик». Планшетку с зонтиком он примостил на стол, но садиться не спешил. Озирался цепким взглядом, кажется, принохивался и сухо, отрывисто, до невыносимости официально говорил:

– Не чему, а кому. Проживающий над вами гражданин Тищенко утверждает. Что вы чрезмерно увлекаетесь. Курением марихуаны. Чуть ли не притон содержите.

– С чего он взял? – спросил я удивлённо.

– Да вот взял с чего-то. – Стукоток перестал озиаться, сосредоточился на изучении моего лица. Должно быть, отыскивал следы волнения. Ужас застуканного на горячем преступника. Взгляд у него был тоже прямой, и будто бы доброжелательный, но в то же время пронизывающий до самого спинного мозга. Под таким не слишком повлиять. Он разжал губы: – Сигнал поступил. Мы обязаны отреагировать.

– Блин, чушь какая-то, – с отвращением проговорил я. – Марихуана! Да мне и табак-то противен. А вообще, если желаете, можете обыскать квартиру. Хоть сейчас. Санкции не потребую. Прошу вас, приступайте! Времени много не займет. У меня вещей-то...

Лейтенант после недолгой паузы, за которую успел что-то там для себя обдумать и решить, отгородился, протестуя, рукой.

– Зачем обыск, что вы. – В голосе его проскользнули тёплые нотки. – Я и так вижу, что всё в ажуре. Слушайте, а сам этот Тищенко... Что за птица?

– Птица канюк, – находчиво сказал я, преисполняясь мстительного чувства. – Знаете, который всё просит жалобно: «Пить! Пить!»

– Зашибает, стало быть?

Я вздохнул:

– Случается.

– Стало быть, зашибает, – задумчиво повторил Стукоток. – Вот и мне показалось. Шумит?

Тут даже врать не пришлось:

– Иногда прегромко.

– Ладно, учтём. – Лейтенант водрузил фуражку на голову, привычно вымерил двумя пальцами положение козырька. – Извините за вторжение. Служба. Вам, кстати, известен телефон нашей дежурной части?

Я сделал виноватое лицо:

– Нет.

– Запишите. Будет сильно мешать, – Стукоток коротко дернул головой в направлении потолка, – вызывайте наряд.

После ухода участкового я решил навестить соседа сверху. Мне захотелось долго и укоризненно посмотреть в его бесстыжие глаза. Пусть ему станет неловко. А то взял моду свои похмельные глюки мне приписывать! То есть ему кони, выходящие из пола, прямо с утра мерещатся, а виноват, значит, я. Курящий, оказывается, в это время траву. Удивительный ход мыслей! Перенос воображаемого с больной головы на здоровую. Непостижимая логика иного мира. Или отдаленного будущего.

Однако пообщаться с прогрессивным логиком мне не удалось. Вокруг его квартиры наблюдалось необыкновенное оживление. Деловитое движение туда и сюда в высшей степени любопытных личностей. Я решил, что разговор подождёт, и устроился на подоконнике между лестничными площадками, потягивая лимонад и следя за посетителями.

Было их много, и все были разные.

Сперва пожаловала, увешанная побрякушками своей шарлатанской аппаратуры, четвёрка мошенников из «Института Биоэнергетики». Бравые парни, щеголяющие фирменной униформой и зачем-то нацепившие обтекаемые спортивные очки с желто-коричневыми стёк-

лами. Вылитые «Охотники за приведениями» из одноименного фильма. Хотел бы я посмотреть, как они поведут себя при встрече с настоящим призраком. Впрочем, штаны у них выглядят достаточно мешковатыми, чтобы скрыть признаки любого волнения – вплоть до самого крайнего.

Затем прибыл православный батюшка. Сопровождал его молоденький служка, нагруженный не менее чем тремя литрами святой воды.

И, наконец, притопал водопроводчик с огромной брезентовой сумкой.

Я допил газировку и довольно улыбнулся. Сообразительный мужичонка не упустил ничего. Отныне можно спать спокойно.

* * *

Отдых есть функция, обратно пропорциональная усталости.

Эта свежая мысль тяжело, точно пробуждающийся медведь в берлоге, ворочалась в моей несвежей голове, пока я нога за ногу тащился к двери. Проспал я хорошо, если час.

Звонок надрывался.

Сулейман Маймунович терпеть не может телефонов, факсов, пейджеров и прочих современных средств связи. В особенности он не может терпеть электронной почты и мобильных. Когда-то он очень здорово наварился с любовью к электронике. Как-никак, считал он, электроника – область науки, оперирующая потоками данных, строго упорядоченной энергией, а значит, самая близкая к магии. Сулейман, с головой ныряя в её изучение, надеялся возродить былую славу джиннов, ифритов и прочих энергетических сущностей, скрестив спиритическое с материальным. Вдохнуть в машину пусть не душу, но – «духа». Вследствие своего бескрайнего энтузиазма он стал одним из главных фигурантов знаменитого «дела кибернетиков». Имеется в виду, *настоящих* фигурантов, для обуздания которых, собственно, и была загублена вся советская кибернетика. От расправы ему пришлось скрываться в Средней Азии, где он провел полтора десятка лет, едва ли не самых жутких за последние век-два. Вернуться в столицы Сулейман так и не решился и до сих пор не может без содрогания вспоминать свой тогдашний бурный «роман с ЭВМ».

Поэтому в офисе «Серендиба» нет ни единого компьютера. Зато имеется «Феликс» – металлический счётный агрегат с клавиатурой, как у пишущей машинки и рукояткой, которую следует крутить. При вычислениях «Феликс» совершенно неповторимо звенит на разные голоса, да вот беда – постоянно сбивается в действиях с дробями. Им пользуется наш ничем не примечательный старенький бухгалтер. С другой стороны, бухгалтер имеет редкое эллинское имя Менелай Платонович Архэ и обладает одной странностью – никогда не кушает яблок.

Для передачи известий наш старомодный шеф предпочитает употреблять посыльных и нарочных, а также пользоваться оказией и слать гонцов. Особую любовь он испытывает к почтовым птицам. Сегодня, впрочем, он ограничился обыкновенным курьером.

– Ну? – сказал я, страдальчески глядя на Зарину, и широко зевнул.

Как мне уже приходилось отмечать, Сулейман – тонкий психолог. Зная, что Павлин-мавлин, хоть и выглядит паинькой, бывает подчас невыносимо грубым, он поступил чрезвычайно хитроумно. Откомандировал ко мне свою любимицу. Не потому, конечно, что я остерегусь спустить её с лестницы из опасения прогневать шефа. А потому что Зарина и моя любимица тоже. К ней все относятся с нежностью. На первый взгляд – это симпатичная восьмилетняя девчушка с чёрными глазками в пол-лица. На второй тоже. Да хоть на тридцать третий. В самом же деле возраст Зарины далеко перевалил за... В общем, далеко за. Ни к чему вам знать. Я сам, откровенно говоря, не знаю. При том она ведет себя совершенно как ребёнок. Обожает игрушки, карамель на палочке, всегда остается по-детски непосредственной и весёлой. Баловать её подарками – сплошное удовольствие.

Однако я был не в том настроении, чтобы кого-то чем-то баловать.

– Ну?.. – повторил я нетерпеливо.

– Дедушка тебя кличет, Павлуша, – сказала она, не вынимая изо рта «Чупа-чупс». – Надо поторопиться. Чего-то он озабоченный.

– Ладно, – сказал я. – Сейчас соберусь. Зайдёшь?

– А Жерарчик здесь?

– Разве моя квартира напоминает псарню?

– Говоря о чистоте и начистоту – есть маленько.

Вот язва.

– Жерарчика здесь нет, – проскрежетал я.

– Тогда не зайду. Ты сегодня какой-то скучный и злой. Наверное, тебе нужно больше отдыхать. Чмоки, Павлинчик!

Она помахала на прощание ладошкой и ускакала.

Выходя из дому, я был всё ещё мрачен. Но, вспомнив, что по пути можно завернуть в «FIVE-O'CLOCK», к куколке моей Аннушке, чуток приободрился.

* * *

От китайца за версту разило псиной и каким-то удушливо-тяжёлым одеколоном. Я поспешно уступил дорогу. Он кивнул, казённо улыбнулся. На миг показались мелкие острые зубки. Сквозь толстенные линзы очков блеснули тёмно-карие, без белков глаза. Сопровождающий его громила (руки – с мое туловище, грудь – как аэростат, загривок – от самых ушей; не думал я, что среди жёлтых встречаются подобные монстры!) вонял так же тошнотворно. Передвижной зверинец плюс агрессивный парфюм «Eau de Peregrare» от BODUN's.

Секретарем нашим Максином точно выстрелили из-за стола. Захлебываясь словами почтения, он побежал провожать пахучих гостей до двери. И за дверь. И по лестнице. Так спешил, что на ногу мне наступил.

Чёртов лизоблюд. Чёртовы китайские лисы-оборотни. Эх, если бы мне возле Аннушки ещё на пять минуточек задержаться... Чёртов график работы магазина!

Я вошёл к шефу.

Надрывно гудел кондиционер, выгоняя из кабинета ароматы лисьего метаболизма.

– Паша, – без обычного кривляния и даже без акцента, с места в карьер взял Сулейман. Это было скверным знаком. – Паша, как ты отреагируешь, если я предложу тебе посетить стрип-шоу в «Скарапее»? Имеется билетик в VIP-зал. Сегодня с гастрольями «Римские любовницы». Восемь кисок, прямиком из Вечного Города. Покажут, как можешь догадаться, «Патрицианские ночи». Между нами, единственное выступление не только в Императрицыне, но и вообще в России. Сам бы не отказался, да заботы, видишь. Заботы проклятушие... – Он принялся крутить на левом мизинце варварски роскошный перстень из поглощающего свет чёрно-зеленого металла с изумрудом карат на пятьдесят. Камень, ограненный в форме яйца и удерживаемый оправой из трёх головок фламинго с раскрытыми клювами, мерцал. Совсем не в такт вращению.

Блин, ещё один скверный знак!

– Наличных подкину.

Последняя фраза вообще выходила за *всякие* рамки. Наш скупердяй подкинет наличных? Мне? Восточная сказка. Тысяча и одна хрень. Он что, решил меня тамошним питонам скормить?

«Скарапея» – один из самых модных, самых дорогих и недоступных ночных клубов города. Там повсюду ползают живые удавы и гады помельче, а обслуга – молодые негритянки с голой грудью или мускулистые папуасы в одних плавках. Как гостям больше нравится. Каж-

дому приглашённому гарантируется полное моральное, а при желании – и физическое разложение по высшему разряду. Безумно заманчивая обитель всяческих пороков. Потусоваться там на халяву, да ещё в VIP-зале? Где перед вами пресмыкаются самые клёвые аспиды и гаитянки? Ё, парни! В смысле – было бы крайне, крайне заманчиво.

Кабы, повторяю, не подозрительная ласковость и щедрость дядюшки Сулеймана.

– Это как-то связано с Софьей Романовной? – спросил я прямо.

– Это никак не связано с Софьей Романовной.

– Тогда почему я?

– Потому что больше некому. Во-первых, ты, весь из себя молодой и красивый, будешь там смотреться э-э... в самую масть. В жилу. Короче, уместно. Особенно с теми наличными, что я пообещал. Во-вторых, необходим человек с твоей сообразительностью.

Польстил. Сейчас я должен закатить глазки и замурлыкать.

– Сулейман-ага, – сказал я сладеньким и гаденьким голоском ябеды, – а вы не забыли, что среди ваших молодых сотрудников имеются личности гораздо сообразительней меня?

Дело в том, что не так давно секретарь наш Максик приволок откуда-то набор бланков для определения IQ – коэффициента интеллекта. И шеф будто на пчелу сел. Загорелся узнать, кто у него чего стоит в плане мозгов. Как будто без того не ясно. Тестирование было проведено немедленно, итоги каждому обследовавшемуся сообщены приватно. Разглашать собственные показатели настоятельно не рекомендовалось. Во избежание ссор и обид. Как пример для всяческого подражания был отрекомендован один лишь Менелай Платонович. IQ у него вплотную подобрался к двумстам пунктам. Как у Эйнштейна. «Тут, должно быть, закралась какая-нибудь ошибка, – скромно прокомментировал фантастический результат сам бухгалтер. – Впрочем, старому греку на моей работе нельзя быть полным дураком». Мой коэффициент получился вполне себе средним, чего и следовало ожидать. Хотя ожидал я, как, наверное, любой, сами понимаете, другого.

Вся работа в тот день, разумеется, встала, народ друг на друга косился с недоверием, атмосфера делалась взрывоопасной. Запоздало раскаявшийся в опрометчивом поступке Сулейман разогнал нас по домам раньше времени и объявил дополнительный выходной назавтра. После выходного психологический климат в коллективе вроде как нормализовался. Но не прошло и недели, как данные начали помаленьку всплывать. И вдруг выяснилось, что у юного нашего секретаря Максика интеллект-то о-го-го! Сто семьдесят без малого; а это, между прочим, до хрена! Все обалдели, а Максик (без чьего участия в разглашении секретов, видимо, не обошлось), сделал вид, что ничуть своей гениальностью не возгордился. Но это только сперва. Сейчас он считает нормальным наступать мне на ноги, и забывать извиняться при этом. Кто бы мог подумать, что гусачья гордыня – обязательная спутница выдающегося ума?

– Я никогда ничего не забываю. А ты, если б не перебивал своего богом данного шефа, – Сулейман сделал строгое лицо, – узнал бы, что существует не только во-первых и во-вторых, но ещё и в-третьих. Так вот, в-третьих... В-третьих, сам знаешь, почему.

Ага. Не для того кота держат, чтобы брюшко себе в удовольствие лизал, а для того, чтобы мышей в подполе ловил.

– Придется работать?

– Скорей всего.

– О-хо-хо... – Я сделал кислое лицо и с протяжным вздохом закатил глаза.

– Стены там нормальные, это проверено, – сообщил шеф, демонстративно игнорируя мои гримасы.

– Я буду один?

– Абсолютно.

– Абсолютно? – переспросил я. Как-то мне не понравилось его шмыганье носом. Откуда бы у ифрита взяться насморку? В конце мая.

– Ну, я хотел ещё Убеева направить для подстраховки.

– Убеева?! – испугался я. – Железного Хромца?

– Ага.

– Да ведь он же полный придурок!

– Придурок, – с удовольствием подтвердил шеф. – И даже, пожалуй, хуже. Зато стреляет, как бог.

В том-то и проблема, что стреляет. Неужели Сулейман запомнил, вследствие каких снайперских подвигов этого нервного калмыка с предыдущего места вышибли? Перед тем, как мы его подобрали? Зато я превосходно помню. Потому что сам копировал сведения о нём из личного досье начальника «Булата». Ну, того самого охранный агентства, где Убеев раньше инструктором по стрельбе был. Собственного информатора он сдуру шлёпнул. Две пули в голову, одна в сердце – всего за полсекунды. Потрясающе быстро и абсолютно надёжно. Высший класс!

Я своей головой дорожу. Сердцем тоже. Посему решил быть негибко твёрдым:

– Нет, эфенди. Лучше буду вовсе без прикрытия, чем с таким отморозком. Да и в кого там ему стрелять? В «Римских любовниц»? В удавов?

– В удавов, – неожиданно поддакнул шеф. – В анаконд. «Скарапею», Паша, держат трансвеститы. Сам знаешь, какая у них репутация. Хуже только у людоедов Амазонии, да и то не у всех. – Он огладил двумя руками бороду, поднес к губам перстень,дохнул на него и потерял камень о рукав. Отвел руку в сторону, любясь результатом. Изумруд всё ещё мерцал. – Если тебя там поймают, запросто гадам скормить могут.

О какой-то там особенно людоедской репутации трансвеститов я услышал впервые. Ходят, конечно, разные слухи: на иглу, дескать, могут насильно посадить или поиметь крайне извращенным способом. Но чтобы вот так, раз – и змеям на корм... «Ох, Паша, – смекнул я, заскучав, – похоже, ты круто влетел! Точно бабочка в сачок. Не успеешь крикнуть “караул”, как в коллекцию угодишь. Весь из себя засушенный и крылышки враспырку. Может, послать Сулеймана с его делами куда подальше, пока не поздно?» Последний вопрос был, конечно, риторическим. Поздно стало уже тогда, когда шеф выплатил мне первую премию за первое конфиденциальное дельце, связанное, помнится, с... С тем-то и тем-то. О сгнившем языке одного болтливого сотрудника я, случайно, не упоминал? Ну, то-то!

– Всё равно, – упрямо сказал я. – Убееву не доверяю.

– Замолчи, несчастный! – взвизгнул неожиданно тонко Сулейман. – Я ему доверяю! Я, понятно?! Твою жизнь доверяю охранять, мальчишка! – Из рта его летела горячая, будто кипяток, слюна вперемешку с дымом. Глаза выкатились. Ручищи со скрежетом заскребли по столешнице, ноги затопали. Он вскочил и начал расти. Одежда с треском рвалась.

Мне сделалось страшно. Вот оно, средневековье, запаниковал я, отшатываясь. Ка-ак перевернет сейчас Маймуныч кофейный столик, да ка-ак насадит меня на одну из ножек, будто на кол. А ножки-то остренькие, тонкие. Резные, гнутые. Скользким лаком покрытые. Пока я ещё состояния комбинатора достигну, чтобы с кола того соскочить, он же мне по самые миндалины влезть успеет. С вывертами. С загибом...

Исключительно с перепуга заорал и я, сопровождая речь однообразными, но выразительными жестами:

– Да вот где я видал такого телохранителя! Своей жизнью я как-нибудь сам распоряжусь! Сам, самостоятельно! Ясно вам, Сулейман Маймунович! И нечего меня авторитетом давить...

Ифрит вдруг захохотал и повалился в кресло.

– Ай, маладэц, Павлинчик! Ай, порадовал! Отважный какой, ничем не утратить! Храбрец, да! Вот люблю тебя таким! На, скушай халву. Очень вкусная халва – из миндаля и кешью.

– Не хочу, – сердито проговорил я и тут же, вопреки сказанному, вонзил зубы в рассыпчатый кирпичик. – Чего мне делать в «Скарапее»?

* * *

Трудно не суметь сложить один и один. Думаю, все уже поняли, что дефицитным билетиком на «Патрицианские ночи» раздолжил нашу контору оборотень-китаец. Господин Мяо. У этого полулисы имелся очень шустрый племянник, до потери сознания обожающий клубную культуру. В Поднебесной модных клубов не густо, а если вспомнить, как строгие тамошние законы относятся к наркотикам и прочему дерьму, без которого *нормального креативного отдыха* вообще не бывает... Короче говоря, этот самый лисий племянник, Сю Линь (кстати, никакой не цзин² – обычный хань³), сгношив в компашку пару друзей, отправился путешествовать по миру. Искал, где можно трём горячим китайцам отвязаться на полную катушку. Далеко он не уехал. Завернул в самом начале круиза к дядюшке, наместнику Императрицынского Чайна-тауна, да так и остался. «Скарапея» наша поразила его сладким жалом пряменько в башку. А ведь там и раньше-то не всё нормально было. Почему? Скоро узнаете.

Но одних дэнс-эволюций на тамошнем танцполе вскоре сделалось ему маловато. Итогом недолгих раздумий Сю Линя стало решение приобрести долю в капитале понравившегося клуба. А что? Юаней дядька Мяо подкинет, а с теми из владельцев, кто недовольство выскажет, он сам расправится. Как-никак мастер кулачного боя. Абсолютный чемпион провинции Ляонин! Друзья из того же крепкого мяса сделаны. Любому русскому увальню бамбука миглом вставят – не успеет глазом моргнуть. Да хоть тридцати русским. Зря что ли с молочных зубов тренировались лбами кирпичи да черепицу сокрушать! (Вот вам и обещанное объяснение.)

Предварительные переговоры тянулись долго и были практически безрезультатными. Сегодня трансвеститы наконец-то дали добро на личную встречу с борзым кунфуистом, поставив ряд условий. Сю Линь должен прийти один. Территорией станут кулисы «Скарапеи». Время переговоров – ноль часов тридцать минут. Я бы от такого предложения отказался сразу. Ночной гадючник! Не удавят, так изнасилуют. Бесстрашный Линь – железный кулак согласился. Господин Мяо (наградили же родители имечком!), который о деловых похождениях родственника узнал лишь сегодня, отговаривать его не захотел. Почему? Пойми их, китайцев, да ещё оборотней. Вместо того чтобы провести ряд поучающих бесед с неумным Сю Линем, он поспешил к Маймунычу с просьбой направить в клуб наблюдателя. Способного в случае чего к решительным действиям по защите безбашенного племянничка от исчезновения в бездонных желудках Змеев Горынычей. Патрон мой долго ломался, а согласился нехотя, и только под влиянием магии больших чисел. Будет, будет Менелаю Платоновичу и «Феликсу» горячая работёнка завтра с утрачка.

В роли своего агента Сулейман представил китайцам господина Убеева, отменного стрелка и клубного завсегдатая. Обо мне речи не было.

– В клуб Убеева не пустят гарантированно, – раскрывал шеф передо мной свой дьявольский план, – зато внимание он на себя отвлечет. Гарантированно же. Если за оборотнями сегодня была слежка, а значит, видели их визит к нам, Убеев станет приманкой-обманкой. Вот, дескать, кого откомандировал эль Бахлы. В случае если слежки не было, обманкой станет его узкоглазая, крайне подозрительная для трансвеститов физиономия. Вряд ли они, а в особенности их секьюрити сходу сумеют отличить калмыка от китайца. Но уж наган-то у него под мышкой засекут наверняка. Недурственно будет, если попытаются разоружить.

– Ох, бардак начнется... – сказал я мечтательно.

² Оборотень (*кит.*).

³ Китаец (*кит.*).

– Вот! А я о чём!.. – хлопнув ладонью по столу, воскликнул шеф. – Бардак-кавардак. Как говаривал, правда, по совсем другому поводу, покойный Саша: «Через час – бардак. Через два – бедлам. На рассвете храм разлетится в хлам».

Я знать не знал, о каком Саше идет речь, и причем здесь храм (по-видимому, разрушенный), но с вопросами не лез.

– В свою очередь ты, Павлуша, с развязным видом войдёшь в «Скарапею» и примешься отрываться под м-м-муа! – Сулейман поцеловал сжатые щепотью пальцы, – дивные телодвижения Римских стриптизёрш. Никакой скованности, да? Ни секунды отдыха от отдыха. Молодой вертопрах пришёл, чтобы достичь полного истощения кошелька, нервной системы и физических сил. Это должно быть понятно всем. С первого взгляда. Когда появится Сю Линь, осторожно проследишь за ним. Все, что увидишь и услышишь, расскажешь мне. Лично мне. Только мне. Потом сразу забудешь. А я уж сам распоряжусь информацией. Усёк, да?

– Да, шеф, – покорно сказал я. – Слушаю и повинуюсь.

Я уже безудержно грезил об итальянском стриптизе.

Глава вторая ЗМЕЕЛОВ

Откуда-то издалека, дерзко выделяясь из шумов вечернего города, накатывал утробный рёв могучего мотоцикла. Судя по сбивчивости, с которой рокотал шестицилиндровый механизм, зажигание было отрегулировано скверно. Стало быть, скоро сюда пожалует Железный Хромец Убеев. Отрабатывать те кумыс и баранину, которыми его досыта поит-кормит премногощедрый наш и дальновидный Сулейман.

– Прошу входит-ть, – с прибалтийским акцентом пригласил меня дежурно-улыбчивый гигант швейцар, раздирая мой билет надвое. Меньший обрывок глянцевого полоски он оставил для себя, другой вернул мне. Перфорации швейцар не признавал, посему одна из «Римских любовниц», изображённых на билете в самом соблазнительном ракурсе, лишилась части стройной ножки. Другая – перьев с пышного головного убора, служившего ей единственной одеждой.

Варвар, подумал я.

– Впер-вые у нас? – Он кивнул стоящему внутри, за прозрачными створками напарнику, и тот нажал клавишу, открывающую дверь.

«Да тебе-то, болвану, какое дело», – подумал я, старательно придерживаясь роли избалованного типа, но всё-таки рассеянно улыбнулся, соглашаясь с его предположением. Снисходить до разговора с какой-то там обслугой было мне сейчас не по чину.

– О! Посстраваю. Вам предстоит незабываемый вечер.

Я лениво шевельнул рукой, суя ему десятку.

– Нетт, нетт! Нам этто не положено, – воспротивился он.

Я пожал плечиком «как знаешь» и разжал пальцы. Банкнота порхнула, однако до чёрного мрамора ступеней не долетела, исчезнув по пути непостижимым образом. Швейцар привычно поправил бархатный камзол. В одну из его многочисленных складок, надо полагать, и упорхнул презентованный мною общеевропейский червончик.

Убеев тем временем успел въехать на стоянку и спешиться. Его шикарный кожаный макинтош длиной до каблуков ортопедических сапог хлопал на ветру, точно плащ истребителя вампиров Блэйда. Его густой «конский хвост» на макушке, подобный самурайскому, и самурайские же бакенбарды в форме острых вороновых крыл были черней лака его неопишемого «Харлея» 1962-го года. Его непроницаемые солнцезащитные очки надёжно поглощали буйствующие переливы света, низвергающиеся со щита над входом в «Скарапею». Его высокие скулы...

Швейцару тоже предстоял незабываемый вечер.

Только он об этом ещё не догадывался.

Дверь за мной с шелестом закрылась.

* * *

Вопреки приказу Сулеймана быть развязным парнем, чувствовал я себя, признаюсь, хреновато. Тревожно мне было с непривычки, да и попросту страшно. Одно дело подглядывать за неверными супругами, и совершенно другое – заниматься разведдеятельностью на территории, принадлежащей *организации*. Обилие агрессивной музыки, возбужденных незнакомых людей, неожиданные световые эффекты и шныряющие за чересчур хлипкими стеклянными стенками террариумов рептилии – всё это также не самым благотворным образом действовало на мою утонченную психику. Говоря откровенно, я впервые попал в подобное место. Деревен-

ские дискотеки школьных лет вряд ли могут считаться достойной подготовкой к сегодняшней вылазке. А после возвращения в Императрицын я ни разу не удосужился выбраться в какой-нибудь клуб.

Вот Убеев – тот мигом оказался бы в своей тарелке. Он обожает модные развлечения. Его мало волнует, что ему за пятьдесят, что телом он заморыш и далеко не красавец лицом, что у него перемежающаяся хромота и склочный характер. Он пляшет как одержимый, манерно курит и выпивает, способен сколь угодно долго говорить на любую предложенную тему. Он чемпион по скоростному съёму девушек, которые не возражают, чтобы их снимали пятидесятилетние колченогие калмыки с неуравновешенной нервной организацией, а при случае он всегда готов подраться.

«Как-то там проходит у него общение со швейцаром?» – подумал я, стоя среди бурления клубной жизни и робко озираясь.

Так бы мне, наверно, и изображать из себя провинциала, заброшенного каким-то изощренным садистом в богемный салон и совершенно раздавленного его роскошью, кабы не внезапная помощь. Меня схватили под локотки горячие узкие ладошки, я услышал: «Ага, попался!» и в ту же секунду был расцелован в щеки славными девушками – Ладой и Лелей.

– Ты чего такой понурый? – тормоша, спросила меня Леля. – Идём, вон наш столик. Как раз одно место свободно.

– А где твой пёсик? – это уже Лада.

– На проктоскопии, – вяловато отшутился я.

– Бедняга! – немедленно пожалела Жерарчика Леля, а Лада, делая большие глаза, ужаснулась:

– Какое страшное название! Это, наверно, жутко болезненная штука?

– Не то слово, – сказал я, помаленьку оживая. – Представьте, глубоко-глубоко в задний проход вставляется блестящий металлический рожок...

– Прекрати! – в голос закричали девушки.

Поневолe рассмеявшись, я спросил:

– Ну а вы здесь поохотиться или так, развеяться?

– Я ж тебе говорила, он всё просёк, – победно сказала сестренке Лада. – Парень, который носит на руках настоящего беса и без боязни, несмотря даже на глистов, целует его в морду, на раз отличит мелисс⁴ от примитивных нимфеток. Нет, не охотиться, – сказала она уже мне. – Могу просветить: то, чем всякий уважающий себя мужчина просто-таки обязан поделиться с матерью-сырой землей, уже месяц, как не требуется. Обряды плодородия производятся в апреле – начале мая.

– Так что до будущего года можешь нас не опасаться, – смеясь, подхватила Леля.

– И вообще, слухи о какой-то опасности, чуть ли не кровожадности Макошевых отроковиц сильно преувеличены, – сказала Лада, нарочито грустя.

– На самом деле мы кроткие и нежные, – потупившись, сказала Леля.

– В большинстве случаев, – дополнила её сестра.

«До чего самоуверенные барышни, – думал я восторженно, слушая их щебет. – Они, похоже, и вправду верят, что способны напугать. Я уже люблю этих девочек!»

– Это что же получается? – шутливо хмурясь, спросил я. – Вы нас с Жераром на сообразительность испытывали?

– Ах, вот как, значит, его зовут, – вместо ответа сказала Леля. – Ну а тебя?

Пришлось признаться, что меня зовут Полем, но можно и Павлом; что да, француз, хоть и очень мало. Что здесь – скорей по делу, но встрече с ними по-настоящему рад, так как совсем

⁴ Мелиссы – в Древней Греции – жрицы богини земли и плодородия Деметры, а также Артемиды.

растерялся и не знаю, куда приткнуться. А также, что нужен мне вообще-то VIP-зал, да только где же он, чёрт возьми?

Я показал им билет.

– Странно, – сказала Лада.

Сначала я различал их в основном по причёскам – до того они были похожи, почти как близняшки. Лада обладала роскошной косой в пояс, Леля – двумя, заплетёнными по бокам головы в забавные толстенькие рожки с хохолками на концах. Но постепенно понял, что они очень разные. Командовала в тандеме Лада, однако её младшая сестра нравилась мне гораздо сильнее.

– Тебя должны были с этой красивой бумажкой до места проводить. Ты что, не дал на чай швейцару?

– Этому бархатному викингу? Дал.

– А тому, что внутри? Седому, в золотых очочках.

– И бородка клинышком?

– И бородка клинышком.

– Бли-ин, – протянул я. – То-то он всё мне кланялся, каналья. Слушайте, так неудобно было, всё-таки пожилой человек. Я и удрал от него поскорее. Ну да ладно. Начхать. Зато вас встретил. А это, между прочим, дорогого стоит. Давайте выпьем за знакомство.

Мы выпили за знакомство по какому-то сладкому и не сильно крепкому коктейлю, сложно пахнущему земляникой, малиной и травами. Потом немного потанцевали, потом, хоть и без того были на «ты», выпили на брудершафт и с удовольствием расцеловались – уже в губы. Мне совсем расхотелось присматривать за каким-то там дураком-китаёзой, которого неведомо где носит, а захотелось мне и дальше выпивать, танцевать и целоваться... но тут-то вся малина-земляника кончилась. Потому что, совсем как тот нечистый из пословицы, которого только вспомни – мигом является, явился и мой подопечный Сю Линь. Модный до безобразия. Был он в узкой красной рубашке, узких серебристых штанах и с коротким жёлтым «ирокезом» на макушке. В руке у него был сложенный веер, а в зубах чёрная сигарета. Он тут же принялся выламываться под музыку, и делал это классно, ничего не скажешь, а я посмотрел на часы. Близилась полночь.

По словам шефа, встреча Сю Линя с трансвеститами должна состояться в VIP-зале, а уж оттуда они двинутся в кабинет управляющего.

– Лапушки, – сказал я, становясь невыносимо серьёзным. – Чудовищно жаль, но придется нам ненадолго разбежаться. Вас не затруднит показать мне, где зал для важных особ?

– Меняешь нас на голых итальянок? – насмешливо спросила Лада.

Я в ответ выпятил нижнюю губу и задиристо промолчал в том смысле, что да, меняю, – и что?..

– Ладно, не дуйся, – сказала она примирительно. – Пойдем, провожу. Лелька, а ты останься, столик стереги.

* * *

В VIP-зале оказалось чуток спокойней, чем в зале общем. Музыка душевней, свет мягче. Змеи в террариумах были крупные и, как следствие, ленивые. Да и публика подобралась солидная, пришедшая не задницами толкаться и конечностями среди дискотечной давки дрыгать, а культурно провести вечерок в компании «Римских любовниц». Лысеющие мужчины в дорогих костюмах, многие – в сопровождении увешанных драгоценностями дам. Мужчины обратили на меня внимания чуть меньше, чем на обслугу. Женщины были значительно благосклоннее. Особенно одна, ярко-рыжая, со шучьим лицом записной стервочки. В общем-то, к ней можно было, наверное, и подсесть – сугубо для маскировки – но в спутниках у неё был такой жуткий

тип, что не приведи господь свести знакомство. И уж тем более оспаривать у него право на самку.

Игнорируя пылкие взгляды огненноволосой щучки, я прошествовал к бару, где и пристроился, вооружившись бокалом сангрии.

Кажется, «патрицианские ночи» ещё не начинались. На сцене, оборудованной несколькими блестящими шестами, по которым так здорово умеют скользить обнаженным телом иные фемины, печально пела по-французски про любовь худенькая девица с прической а-ля Мирей Матье. Я косил то на неё, то на гологрудых официанток (негритянка среди них обнаружилась всего одна и та не слишком привлекательная), то на щучку, которая вполне могла доставить неприятностей – не расхлебаешь, то на входную дверь. Где же китаец?

Певичка закончила грустить о своем разбитом сердце и под жиденькие, точно утренний супчик язвенника хлопки (публика окончательно извелась в ожидании стриптиза) удалилась. На сцене появился трансвестит в сверкающем платье с многоярусным кринолином до пола. Был трансвестит очень высок, мускулист и хоть усеян блестками, накрашен и в парике, но на женщину не походил совершенно. А походил он больше всего на вставшего на дыбы призового жеребца, обряженного для потехи в парик и платье. Впрочем, двигался он грациозно.

«Джулия, где же девочки?» – закричали из зала.

Трансвестит, приложив руки к полной и высокой поддельной груди, насквозь фальшивым контральто выпустил в зал длинную очередь многословных путаных извинений. После чего перевел дух – будто затвор передёрнул – и деловито и лаконично шмальнул контрольный:

– Девочки сейчас будут.

Зал заметно оживился.

Вскоре появились девочки.

Были они настолько хороши, что сангрии мне сделалось мало. Я проглотил единым махом то, что от неё осталось, и потребовал виски со льдом, подумав мимоходом, что лёд стоило бы заказать ещё и отдельно. В штаны засунуть. М-мерзавки, что же они вытворяют, а! Я энергично заколотил опустевшим стаканом об стойку. Бармен был вышколен на совесть и второй вискарь набулькал мне незамедлительно. Хлопнув и его, я засвистал.

Опомнился возле сцены – оттого, что мне крепко заехали локтем под вздох. Музыка рыдала. Девицы извивались. Зал безумствовал. В руках у меня был развернутый павлиний хвост дензнаков, которые я секунду назад пытался засунуть одной из «патрицианок» за чулочную резинку, одновременно отпихивая какого-то нахала, стремящегося сделать то же самое вместо меня. Нахал к моему большому огорчению оказался проворней.

Да и как иначе, ведь был это великий мастер кулачного боя, продвинутый китаец Сю Линь собственной персоной. Мой подопечный. Я резко протрезвел и тихо-тихо уполз в сторону, придерживая ноющие ребра.

Как я ненавидел в тот миг всех на свете азиатов!

Да только и Сю Линю не пришлось насладиться благосклонностью нагой римлянки. Откуда ни возьмись, возле него появился трансвестит – тот самый, который Джулия, и поманил за собой. Разочарованный столь крутым обломом китаец едва не накинудся на него с побоями, но вовремя одумался. Видимо, кое-какие мозги в его черепушке все-таки водились. Он в раздражении хлопнул своим дурацким веером об сцену и смирно пошагал за Джулией.

Я шмыгнул следом.

Они свернули под неприметную арочную дверь. Рядом с ней возвышался чудовищной комплекции мордоворот с явственными признаками акромегалии⁵ на физиономии, поэтому

⁵ Эндокринное заболевание, обусловленное избыточной продукцией гормона роста. Признаки: увеличение конечностей, нижней челюсти и т. д.

я двинулся чуть левей. Туда, откуда густо несло освежителем воздуха и несколько слабее – табачным дымом.

Сортир пребывал в запустении. Только из крайней кабинки слышалось сдавленное пыхтение и кряхтение, перемежаемое неразборчивым шепотком. Не то ширяется кто-то, не то она нирует, не то с запором борется. Ну и пусть себе. В любом случае, кряхтун был так увлечён собственными проблемами, что вряд ли способен заметить чье-либо присутствие.

Для скрытного погружения в толщу строительных конструкций лучше всего подходила дальняя кабинка. Трусцой преодолев остаток дистанции, я вихрем ворвался в неё, словно мне и в самом деле было уже не в состоянии. Дверцы у здешних кабин были основательными – от пола до потолка и вполне надёжно запирались. Я повернул задвижку и принялся быстро раздеваться, толкая одежду в специально заготовленный пакет. Набросал на пол побольше туалетной бумаги, разулся. Одежда, как и прочие предметы материальной культуры, к сожалению, не обладает моими способностями, а просачиваться ещё и сквозь неё – это уже полное пижонство. *Mauvais ton*⁶. Выдрав из сливного бачка подводящий шланг, я направил его в унитаз. Тут же тоненько, но жизнеутверждающе зажурчало. Простонав восторженно: «Зашибись!.. Понеслась моча по трубам...», я приник телом к влажноватой кафельной стене. Было холодно и противно. Кафель размягчался нехотя. Делался прозрачным не сразу весь, а кусками. Кирпич под ним лежал неровно, раствор был переполнен каким-то сором – нитками и как будто даже обрезками ногтей или волосами. Прямо напротив моего рта приклеился изжёванный папиросный окурок. Я неожиданно икнул.

Зря я столько пил.

Тот, из крайней кабинки, кряхтящий и пыхтящий, вдруг закричал, захлёбываясь от восторга. Крик сопровождался звуками самого тошнотворного характера, а, кроме того, страшной вонью.

Я икнул вторично – с отчетливым позывом к рвоте.

Нет, при моей-то брезгливости пора отсюда исчезать, и как можно скорее, понял я. Иначе расклеюсь окончательно. По привычке помянув шёпотом кривую, обязанную меня вывезти, я рывком углубился в стену.

* * *

Приблизительный план «Скарапеи», набросанный Сулейманом, оказался очень уж приблизительным. Чувствуя себя пилотом, летящим не по карте, а по пачке «Беломорканала», я плутал в лабиринтах коридоров и тыкался в кабинеты, ежеминутно рискуя столкнуться со здешними секьюрити-переростками, прислужой или ещё шут знает, с кем. В результате мне поневоле пришлось стать свидетелем бездарного совращения малолетних и очевидцем талантливого карточного жульничества. Я побывал в раздевалке «Римских любовниц» (которую правильнее назвать «одевалкой», поскольку раздевались девушки в другом месте) и наблюдал шокирующую сцену ссоры двух сторожевых акромегаликов из-за пропавшей упаковки синтетического гормона роста. Я узнал, откуда растут ноги у некоторых скандальных слухов и чем на самом деле пахнут большие деньги.

В коридорах было тепло и влажно, зато кондиционирование большинства апартаментов включено на полную катушку. Меня (напомню, странствовал я нагишом) бросало то в жар, то в холод. Мои беззвучные проклятия в адрес Сулеймана, оборотней, трансвеститов и Сю Линя перемежались участившейся звонкой икотой.

Похоже, начинались *нервы*.

⁶ Моветон. Дурной тон (*фр.*).

Достойным апогеем кошмарной бондианы стала встреча с мягко стелющейся по ковру гадиной. Да не какой-нибудь безвредной медянкой, а самой настоящей двухметровой гюрзой. И я растерялся. Вместо того чтобы немедленно обернуться предметом интерьера, мимо которого она бы спокойно проползла, я замер, вмиг покрывшись пупырышками гусиной кожи с головы до ног. И каждый пупырышек был размерами как волдырь от ожога крапивой, и каждый чесался, как укус слепня. Но не это было самой большой бедой. Главное, я вдруг совершенно забыл, как следует при встрече со змеей поступать – то ли смотреть ей прямо в глаза, то ли наоборот, не смотреть ни в коем случае. Твёрдо помнилось лишь одно: нельзя делать резких движений. Впрочем, у меня это великолепно получилось само собой. От страха я попросту окостенел.

Гюрза неспешно приближалась, пробуя раздвоенным языком воздух. Её упорный взгляд, направленный точно мне в переносицу, был настолько выразителен, что почти осязаем. Он всё прочнее сковывал члены, всё пуще леденил кровь. Он не оставлял никаких сомнений – тварь уже решила для себя ближайшую участь встреченного ею дрожащего голенького человечка. До приведения приговора в исполнение оставалось несколько изгибов такого совершенного и прекрасного, такого смертоносного тела.

В эту кульминационную секунду где-то неподалёку хлопнула дверь. Коридор наполнили резкие голоса охранников, продолжающих скандалить из-за своего драгоценного препарата. Змея недовольно дёрнула плоской головой, а я, моментально высвободившись из пут её мертвающего гипнотизма, прыгнул в ближайшую стену.

За стеной оказался бар-холодильник с витражными дверцами толстого стекла. Сквозь мозаичное изображение Кецалькоатля я разглядел знакомый платиновый парик Джулии. Не было счастья, да несчастье помогло. Аллилуйя!

Внутри бара оставаться, разумеется, не стоило. Во-первых, холодно, во-вторых, высокие договаривающиеся стороны непременно захотят чего-нибудь хлебнуть в процессе беседы. А уж spryснуть удачную сделку – наверняка. Обнаружение среди бутылок постороннего молодого человека, слегка примороженного и отбивающего зубами частую дробь, вряд ли здорово их обрадует. Могут и осерчать.

Я осторожно приблизил лицо к стеклу.

Мне продолжало везти. В противоположном углу кабинета находился вместительный стеклянный садок с живописным нагромождением камней, какой-то зеленью, лужицей воды и десятком разнокалиберных черепах – обладательниц всей этой роскоши. Я решил, что моя скромная мордочка в сумраке вон того грота будет совсем незаметна.

Перемещение на новый плацдарм заняло порядка минуты. К счастью, в коридоре не обнаружилось и следа гюрзы.

Пристроив подбородок на сладко спящую в прохладе пещерки тортилу, я начал наблюдение.

Кроме Джулии, Сю Линя и черепах в кабинете не наблюдалось ни единой живой души. Не такая, видно, китаец значительная фигура, чтобы привлекать для контактов с ним кого-то более важного, чем конферансье. За время моих блужданий Сю Линь успел уже хорошенько завестись. Надо думать, сообразил, что его не только не боятся, но даже не уважают ни капельки. Трансвеститу было, похоже, всё по барабану. Он чувствовал безусловную собственную правоту – хоть по закону, хоть *по понятиям*. Оттого и не психовал.

Собеседников разделял высокий стол, покрытый богатой парчовой скатертью с кистями. Из-за этой скатерти мне были видны только плечи да голова Джулии. Он вольготно развалился на диванчике и, щурясь, покуривал тонкую длинную папиросу. А вот китайчонка я видел целиком. Он беспорядочно и стремительно перемещался по помещению, свирепо обмахиваясь на бегу веером. Веер был разрисован худощавыми драконами, из чьих вывернутых ноздрей вылетали струи пара. Сам Сю Линь кипел не хуже тех драконов. Кипел он на родном языке –

непонятно, но очень эмоционально. На все его выкрики Джулия реагировал наигранно-доброй улыбкой и покачиванием унизанной перстнями руки. Дескать, спокойней, китайский товарищ, умерьте пыл.

Кунфуиста его ухмылочка только сильней бесила.

Может, Джулия того и добивался.

Лисий племянник, чьё представление об эффективных методах воздействия на ход экономических переговоров сложилось, похоже, исключительно во время просмотра дешёвых боевиков «про каратистов», вдруг остановился. Пронзительно выкрикнул в лучших традициях своей страны тридцать третье категорическое, последнее серьёзное китайское предупреждение – и шарахнул ребром ладони по столу. Столешница, однако, оказалась прочной. Ожидаемая демонстрация разбивания твердых предметов голой рукой обернулась мало впечатляющим стуком.

Дипломат Джулия, решив загладить конфуз гостя, поднялся с дивана, отпер бар, достал бутылку шампанского и два фужера. Демонстрируя знание родного языка Сю Линя, заговорил мирным тоном. Он был по-прежнему безмятежен. Так мог бы вести себя боксёр-тяжеловес, советующий в подворотне мелкой шпане отказаться от вздорной идеи выбить из него тумаками курево.

Вылетевшая с громким хлопком пробка приземлилась в какой-то пяди от кончика моего носа, скатилась по склону в черепаший водоем.

Облившийся (уж не нарочно ли?) Джулия высоко взвизгнул, рассмеялся.

Одна капля попала на красную рубашу китайца.

Капля эта оказалась последней. Чаша терпения Сю Линя ею переполнилась. Развязался мешок с кулаками. Издав неприятный металлический звук, веер Сю Линя выбросил из спиц узкие блестящие острия. Убийственное шёлковое крыло затрепетало в воздухе, готовое распусть шкуру Джулии на тысячу тонких полосок.

Сделавшего почти неуловимый выпад Сю Линя встретил длинный чешуйчатый хвост. Обернулся вокруг его торса множеством толстых, украшенных зигзагами колец, оторвал от пола и перевернул вниз головой. Через мгновение кольца сжались. Китаец, почувствовавший, как трещат его рёбра (это и я услышал), из последних сил прошептал какие-то слова. Потом лицо его покраснело, глаза стали круглыми, точно у презируемых им европейцев. Он широко открыл рот и начал быстро и страшно молотить в воздухе ногами. Перед смертью, говорят, не надышишься. Несчастный Сю Линь сполна испытал справедливость этой истины на себе.

С разинутым ртом он и умер.

Из-за стола, раскачиваясь в такт движению, появился Джулия. Он стал значительно меньше ростом – голова возвышалась над паркетом на неполный метр. Платье завернулось, обнажив нижнюю часть тела. Примерно от подвздошной области начинался тот самый мускулистый удавий хвост, которым Джулия столь жестоко и мастерски расправился с китайцем. Змеечеловек с некоторой натугой поднял обвисшее тело Сю Линя выше и бросил на стол. Бокалы, так и оставшиеся пустыми, опрокинулись. Звякнув лезвиями, упал на пол сложившийся веер. Голова китайца свесилась вниз. Один глаз закрылся; другой, по-прежнему распахнутый, закатившийся, был розов от сетки лопнувших сосудов. Из рта вывалился неестественно тёмный язык. Казалось, мертвец кривляется – подмигивает и дразнится. На серебряных штанах расплывалось отвратительного цвета мокрое пятно.

Merde!⁷ Джулия был ламией. Сволочь Сулейман, говоря о репутации трансвеститов, утаил от меня самое важное. То, почему она у них *такая*, и каким змеям в случае чего я пойду на корм.

⁷ Дерьмо (фр.).

Как видно, совершенно не страдающий брезгливостью Джулия отсалютовал себе бутылкой, тихонько хохотнул и, запрокинув башку, стал хлебать пузырящееся шампанское прямо из горлышка. Платиновый парик свалился. Череп монстра отливал синевой, был гол, пятнист и перепоясан сплетением варикозных вен.

В этот самый момент чёрт дернул меня снова икнуть.

«Приплыли!» – подумал я. Оставалась лишь зыбкая надежда, что предательский звук будет принят аспидом за шум опорожняемого черепахой кишечника.

Джулия насторожился, высоко поднялся на хвосте и вперил подозрительный взгляд в террариум.

Надежда моя разбилась об этот взгляд вдребезги.

Не двигаться, уговаривал я себя. Только не двигаться! Свет падает так, что разглядеть меня без фонарика практически невозможно. Для того чтобы заподозрить человеческое присутствие в этом крошечном гроте, нужно обладать совсем уж большим воображением, заклиненным на мании преследования. Следовательно, я в безопасности. В полной.

Бе-зо-пас-но-сти, – громогласно стучала в ушах кровь. Пол-ной, – подергивалась левая щека. Мертвый Сю Линь, казалось, глумливо подмигивал мне, далеко высунув толстый чёрный язык: скоро встретимся, братка! Я был близок к обмороку.

Змей рывком приблизился. Перехватил бутылку, как гранату. Характерным движением близорукого человека, оставшегося без очков, оттянул кожу в уголке глаза к виску и вперился в каменную горку немигающим взглядом. В древние времена ламии увлекали жертву к своему логовищу нежным свистом. Противиться зову могли только выдающиеся личности. Герои и полубоги. Остальные становились закуской. Если повадки не изменились и чудовище засвистит...

Джулия вытянул губы трубочкой.

– Кто там? – спросил он ласково. – Выходи, негодный.

Закусив губу, я молчал. Только бы не икнуть.

Джулия шумно дышал и понемногу подбирал напряженные кольца под платье.

Наверно, я даже не успею заметить, когда он бросится.

Прошла долгая-долгая минута. Или две. За это время я успел великолепно понять старенького Пастернака, чей день длился дольше века, а также глубочайший философский смысл пошловатой, казалось бы, фразы: «ох-ох, что ж я маленьким не сдох?».

– Показалось, – пробормотал змей неожиданно для меня. – Кому там быть? – И, неуловимым движением развернувшись, пополз назад.

«Какая хитрая гадина, – подумал я с ненавистью, – купить меня хочет, как последнего крестина».

Но, похоже, я всё-таки ошибся. Джулия демонстрировал высшую степень беззаботности. Он завалился на диванчик, раскатал хвост по полу и продолжил пировать, время от времени обращаясь к удавленнику с какими-то тарабарскими высказываниями. Наверное, древних китайских мыслителей цитировал на языке оригинала. Что-нибудь вроде: «Опустошение – это то, что приносит пользу».

Прикончив шампузо, Джулия со вкусом зевнул и сунул руку за корсет. Достал малюсенькую мобилу, потыкал в кнопочки, поднес к морде, сказал:

– Я. Угу. Как мы и полагали. Угу, в силе. Целую нежно.

Небрежно отшвырнув трубку, он полез в бар за новой бутылкой.

Пока он там орудовал, гремя стеклом, читая вслух этикетки и комментируя самому себе прочтённое, я смылся.

Оказавшись в своей кабинке, первым делом привёл в порядок шланги, быстренько оделся и вывалился наружу.

Здравствуйте! На меня изумлённо таращился зверовидный кавалер рыжей щучки. Сколько же он тут торчит, хотелось бы знать?

– Пиво, – доверительным тоном нечаянного собутыльника сообщил я ему, застёгивая штаны. – Выпьешь глоток, а течёт потом, как из ломовой кобылы.

Взгляд громилы озарила радость понимания и восхищение животной мощью моего организма.

– Пойду, ещё накачу, – насколько мог жизнерадостно сказал я, моя руки. – А чего не накатить, место-то освободилось.

* * *

– Ты как будто осунулся, – сказала Лада.

– И взгляд какой-то диковатый, – добавила Леля.

– Осунешься тут. – Я набулькал себе в бокал тоника, выпил, с сожалением посмотрел на опустевшую бутылку. – Еле жив остался.

– Да ну?

– Ей-богу.

– Чего ж такого опасного для жизни в этих итальянках?

Пришлось рассказать, как я в поисках туалета забрёл непонятно куда, как меня там чуть не укусила «вот такая гадюка», и как я спасся бегством, когда рептилию отвлекли гиганты с уродливыми лицами.

– Они тебя заметили? – озабоченно спросила Леля.

– Кажется, нет.

– Это хорошо. И всё равно, лучше тебе уйти отсюда. И поскорей. То место, где ты *случайно*, – Леля ехидно усмехнулась, – побывал, для посторонних закрыто. Оттого и ядовитые змеи ползают. Сторожат. Давай-ка, вместе выйдем. Меньше подозрений.

– А как они определяют, кто свой, кто посторонний? – спросил я, подымаясь из-за столика и беря сестрёнок под ручки.

– Дрессура.

– Девочки, – сказал я. – Зачем вы надо мной смеётесь? Не существует в природе способов дрессуры змей. Это вам не собачки.

– Так и бесов, между прочим, тоже в природе не существует. Вовсе. Их суеверные дикари выдумали. Согласен, Павлик?

Я хмыкнул.

– Лелька права, – подтвердила Лада. – Конечно, людей эти твари слушаться не станут, это верно. Но ведь есть и *не люди*.

Вот так. Похоже, о том, что в «Скарапее» заправляют ламии, известно всем, кроме меня. Сволочь Сулейман!

* * *

Выходя из клуба, я бросил взгляд на запястье. Но опасался напрасно, внутреннее чувство времени не подвело. С момента прибытия в «Скарапею» действительно прошло почти два часа. Действительно – почти два! А мой с позволения сказать напарник Убеев всё ещё был тут и закатывал такое представление, что любо-дорого. Не зря его прозвали Железным Хромцом. Но я бы эпитетов ещё добавил. Одного железа в сложившейся ситуации явно не хватало. Ибо демонстрировались: стеклянный взгляд, оловянная стойкость, деревянная голова. Ну, и как необязательный довесок – толоконный лоб.

– А я тебе тысячный раз повторяю, сукиному сыну, свинье чухонской, – надрывался Убеев, хроменьким, но драчливым петушком насканивая на швейцара, – что мне внутрь надо! Чего тебе, гниде белобрысой, не ясно? Русского языка не знаешь, чур-рбан?

Викинг был недвижим, как скала, перекрывающая вход во фьорд. Смотрел исключительно поверх головы взбешённого калмыка и терпеливо переносил все его выкрутасы. Правда, лицо у него было интенсивного свёкольного цвета, а губы заметно подрагивали. Два часа беспрерывной пытки Капитаном Глупость, изрыгающим агрессивный вздор, могут взбесить даже камень. Швейцар как заведённый повторял, что знание или незнание им языка к делу не относится, и что «Скарапея» – это заведение закрытое, клуб. Вход в него только по клубным карточкам или специальным приглашениям. А он Убеева среди членов не помнит. Но если Убеев покажет приглашение, тогда само собой. Тогда «раати боога».

Железный Хромец наш от такой северной невозмутимости кипятился всё пуще и клятвенно обещал устроить чухонской гниде новую Полтаву, если тот... и так далее. Однако верный наган Убеев покамест оставался спрятанным.

Неподалёку лениво перекуривали скарапеевские секьюрити. Видимо, команды на окорот Убеева им покамест не поступало. Тут же шумная стайка иностранцев, возбужденно переговариваясь, снимала колоритную сценку на видео. Аж двумя камерами. Разумеется, в кадр попала и наша троица. Я скорчил жуткую рожу и, грозя кулаком, рявкнул:

– Империалисты хреновы! Мы вам покажем Кузькину мать! Мы вас закопаем!

Сконфуженные такой выходкой девочки принялись недовольно дёргать меня за рукава, а иностранцы счастливо заржали. Может, стоит потребовать с них гонорар?

Стоянка такси была буквально в двух шагах.

– Дальше я сам.

– Уверен?

– Да.

– Погоди. – Лада раскрыла сумочку, достала блокнот. Быстро начеркала серебристым карандашиком несколько строчек. – Это – наши координаты. Мало ли что, вдруг пригодятся. Да и вообще, заходи. Будем рады.

– Будем рады, – эхом повторила за ней Леля.

Я открыл заднюю дверцу подмигнувшего мне зелёным огоньком «Волги», послал девушкам на прощание воздушный поцелуй. Дверца захлопнулась, такси сразу тронулось. В салоне почему-то стояла жуткая темень. Резко пахло жасмином.

– Ну, шеф, у тебя ионизатор! – сказал я, шаря в поисках выключателя. – Прямо слеза из глаз. Что, бензин подтекает? Как бы не угореть. Мне к парку Маяковского.

– Хе, – сказал водила. Как-то нехорошо сказал.

– Что значит – «хе»?

– Это значит, – услышал я мурлычущий женский голос, – что сначала авто поедет туда, куда нужно даме.

В мою ногу впились железные пальцы. Из темноты выплыло узкое щучье лицо с блистающими глазами и перламутрово-алыми губами, обрамленное словно бы застывшими языками пламени. Запах жасмина усилился многократно. Меня обдало жаром.

После чего я был сожран.

Глава третья

АЛЕФ, БЕТ, ГИММЕЛЬ

Древние римляне утверждали: «Post Coitum, Animal Triste». «После совокупления животное печально». Мудрый народ, был, конечно, прав. Я чувствовал себя животным. Изгвазданным по уши анималом. И был изрядно печален. Но всё-таки человек – скотина особая. С тонкой нервной организацией. Поэтому был я вдобавок на хорошем взводе.

– Э! Чем это от тебя несёт? – Сулейман брезгливо повёл своим породистым шнобелем. – Ты где вообще был?

Я ответил, где и чем – кратко и ёмко. Мне было уже всё равно.

Он крикнул, побагровел, но каким-то чудом сдержался. Сухо спросил:

– А точнее?

– Коньяк есть? – спросил я.

– Хохловский клопомор.

– Согласен, – сказал я. – Итак, сто пятьдесят клопомора и корку лимона.

– Не наглей, мальчик.

Он сделал пасс мизинцем. Меня ухватило за шкурку и поволокло. Отпустило возле кофейного столика. Чувствуя спиной и особенно тем, что ниже спины его бешеный взгляд, я наплескал полстакана бледно-жёлтого одесского «Борисфена», выхлебал в три глотка, заел подсохшим пересолённым сыром. Ну, пикант, блин. Андеграунд от гастрономии.

– Керосин и мыло, – морщась, сообщил я и, как давеча, икнул.

– Другого не достоин, – презрительно ответствовал Сулейман. – Теперь говори.

– Там была ламия. Понимаете, эта тварь, с которой китайчонок базарил, была ламия!

Разумеется, как мой обличительный тон, так и прокурорская поза не оказали на него желаемого действия. Он равнодушно поинтересовался:

– Так что? Хочешь, чтобы я схватился за голову и закричал «ай беда, не может быть»? Что-с? А? Да не мычи ты!

– А если хочу?

– А облезешь, – удовлетворённо сказал он. – Ну, хорошо. К твоему сведению: добрая... хотя какая ещё доброта? доброты-то там как раз в помине нет... короче говоря, минимум треть трансвеститов – люди-змеи. Ты разве не знал? А кто преимущественно работает на станциях переливания крови – это тебе тоже надо рассказать? А пожарные? Проводники в общих и плацкартных вагонах поездов дальнего следования? Механики на металлургических предприятиях?

Я ошалело хлопал глазами. Пожарные, проводники... ладно. Механики-то тут при чём? У меня отчим – главный механик на «Императрицынском Алюминии». Обыкновенный, вроде, дядька. Да нет, точно обыкновенный. Трубку курит. Стихи пописывает. Вполне приличные, надо отметить, стихи. «Мой личный ангел в облаке промёрзлом не отрывает взгляда от земли: считает он не выпавшие звёзды – он караулит промахи мои...»⁸ А ещё футбол любит, водку, матушку мою... хм. Матушку?.. Хм!

– Всё, нету у меня больше времени заниматься просветительством среди олухов, – отрезал Сулейман, прерывая мои размышления. – Выкладывай. Начни с главного.

Главным я резонно посчитал диалог Джулии и Сю Линя. С него и начал. Дословно. По ролям.

⁸ Евгений Журавлёв.

Феноменальная, бритвенной остроты память – это ещё одна фишка, позволяющая мне работать частным детективом. Без неё я, при всей своей неординарности, мало чего стою. Невозможность пронести сквозь стены документы, видео– и аудиозаписи оставляет комбинатору, претендующему на роль классного шпиона, едва ли не единственный путь быть востребованным. Уметь впитывать информацию. Концентрируясь не на толковании или понимании увиденного и услышанного, а лишь на запоминании. Абсолютном. От и до. Без купюр и без искажений. Развитию этой способности я обязан безусловно и исключительно Сулейману. Он бился со мной несколько месяцев, применяя собственную, мучительную для меня (кажется, для него самого тоже) методу и достиг-таки требуемого результата. В сущности, я – воплощённый Джонни-мнемоник из одноимённого рассказа Гибсона.

Выслушав меня, а я рассказал ему всё, не скрывая даже своего контакта с Макошевыми отроковицами и рыжеволосой шучкой, шеф пришёл в ярость. Не произнеся ни слова, он схватил мундштук кальяна и с ожесточением к нему присосался. Минут пятнадцать слышалось лишь хлюпающее побулькивание и хрипение в недрах экзотического курительного прибора да сдавленный полустон-полурыв ифрита.

Потом он длинно сплюнул прямо на ковер и просипел:

– Ты хорошо разобрал, что узкоглазый сказал подыхая? Повтори ещё раз.

– Чо.

– «Чо» по-китайски – жопа! – взревел Сулейман, решивший, что я тупо его переспрашиваю, вместо того, чтобы чётко и быстро отвечать. Зазвенела упавшая коньячная бутылка. В горле у ифрита страшно клёкотало. Я попятился. Шеф, заметив мой ужас, сделал рукой движение, будто ловил муху. «Борисфен» встал на место. Клёкот утих до еле слышимого побулькивания. Задушевым, но реверберирующим от приглушаемой ярости голосом, он проговорил: – Кончай тормозить, Паша. Какого хрена этот несчастный вякнул перед тем, как окончательно загнулся?

– Чо, – повторил я. И добавил, выстраивая фразу в нарочито казенном стиле: – Именно на это коротенькое слово истратил последние силы удушаемый Сю Линь.

Не знаю, можно ли было из столь ничтожной информации извлечь хоть что-нибудь полезное, но, видно, что-то нашлось. Сулейман погрозил мне кулаком и снова впился в кальян, ожесточённо морща лоб. Минут через пять, когда слушать насморочное похрюкивание экзотического курительного приспособления стало окончательно невмоготу, я осторожно спросил:

– Это война?

Шеф посмотрел сквозь меня затуманенными, абсолютно слепыми глазами.

– Оборотни ночью охотятся. Как понимаешь, не в человеческом обличье. Господин Мяо узнает о гибели племянника только утром, а то и к завтрашнему вечеру. Впрочем, это абсолютно неважно, когда он узнает. Он хоть и зверь наполовину, но ведь не носорог какой-нибудь безмозглый, а лис. Значит, хитрец, умница, дипломат и понимает, что смерть одного человека – тем более человека! – чаще всего не стоит большой кровопролитной свары, в которой погибнут многие. Утверждать не могу, но надеюсь, что он сумеет пустить дело по бескровному пути. Зато, если первыми проведает друзья китайчонка... Люди, понимаешь? Самые жестокие и безрассудные твари на свете, – вот тогда...

* * *

Злодейская роль человечества в судьбах мира – любимый конёк Сулеймана. «Человечество! – восклицает он, вторя Ницше. – Была ли ещё более гнусная карга среди всех старух? Нет, мы не любим человечества». Разглагольствовать об императивной порочности «отродья обезьян» он способен не часами даже – сутками. Фактов, подтверждающих собственную правоту, он приводит кошмарное количество, и фактов по-настоящему впечатляющих. Соб-

ственно, красочные и многословные описания ужасов геноцида, совершённого некогда людьми по отношению к не-людям (в подавляющей массе бесплотным элементам, чья жизнедеятельность основана на колебаниях тонких энергий – одним словом, духам и демонам) составляют львиную долю его рассказов. У него даже термин имеется: «Обуздание». Причем слово это имеет для него то же смысловое наполнение, что для индейцев – конкиста, для африканцев – апартеид, для евреев – холокост. Спорить с ним, опираясь на книжный опыт, бесполезно. Опыт Сулеймана – личный.

Нечеловеческих цивилизаций, уникальных, самобытных и блестящих было в истории Земли – пропасть. Причём существовали они параллельно и, хотя мелкие стычки случались, в основном мирно. Казалось, так будет всегда. Но сроку идиллии было отпущено всего-то сорок сороков благодатных веков. Начало Обуздания было неторопливым, затянутым и пришлось на седьмое тысячелетие до новой эры. Вероломное человечество, воспринимавшееся прежними хозяевами планеты примерно так же, как нами сейчас воспринимаются обезьяны (не человекообразные даже, а мартышки), – то есть с улыбкой, и довольно приязненной, – вместо ответной улыбки однажды очерилось по-волчьи. После чего вдруг выяснилось, что бороться с расплодившимися приматами уже поздно. Люди – хитростью, обманом, лестью и тому подобными предосудительными способами – вывели тайну жизненной энергии всей этой своры демонических протокультур и принялись планомерно бедняжек уничтожать. Стравливать доверчивых и наивных духов друг с другом, заточать в бутылки под свинцовые печати, приковывать чарами к каменным и деревянным болванам или просто развеивать топорно составленными, но неборимо мощными заклятиями.

В пятом тысячелетии до новой эры случился первый пик Обуздания, в третьем – второй, он же последний. Спohватившееся и существенно уже поредевшее бесовское население бросилось служить людям, осознав, что служение – единственно возможный способ выжить. Отныне и во веки веков. Однако беда состояла в том, что служить неуравновешенным и непослужательным в своих желаниях млекопитающим оказалось чертовски трудно. В результате к настоящему времени на планете почти не осталось тех, кто считался прежде царями (а вернее, князьками, раз уж были их десятки видов) природы. И, главное, кто остался-то? Коллаборационисты, очеловечившиеся до полной потери самоуважения. Рабы, наподобие Сулеймана, появившиеся на свет в поздние времена, уже под человеческой пятой. (Он – мой раб! ну не демагог ли?) Да выродки-мутанты вроде ламий и оборотней.

Конечно, присутствует ещё довольно обширная популяция чертенят, сородичей Жерарчика, но те вообще не нашего поля ягоды. Беженцы откуда-то извне. Может, с Луны. Может, из полости Земли. Или даже из Преисподней, о коей Данте Алигьери наврал почти всё, каковую Даниил Андреев изрядно приукрасил, и которую сами чертенята не помнят вовсе. Попросту не желают вспоминать, хоть ты их причащай. Настоящие духи-аборигены бесконечно их за это презирают. Сильней они способны презирать разве что самих себя. И если уж накатит на которого раскаянье, то считай – всё, каюк. Сгинет, точно муха от дихлофоса.

Сулейман наш как раз из таковых, совестливых и давно бы уж зачах, но есть у него идея фикс. Мысль, позволяющая жить среди людей. *Когда-нибудь придёт на смену человечеству другая цивилизация.* Новая, страшная, ещё более беспринципная и беспощадная.

«Надеюсь, не скоро», – заметил как-то раз я, а он мне возразил: «О, не будь так беспечен. Возможно, это случится при твоей жизни. И тогда ты проклянешь матушку за то, что она не избавилась от плода в первый месяц беременности, как проклял свою предтечу я. Или не проклянешь. Если сможешь удовольствоваться ролью лакея. Опять же, подобно мне». – «Позвольте, Сулейман-ага, но кто же претендент на замещение должности восседающего на троне? – в запале съязвил я, оскорбившись намеком на предрасположенность к лакейству. – Не вижу достойных кандидатов. Разве что искусственный интеллект? Разумный компьютер, “Массачусетский кошмар”? Монстр, уничтожить которого можно одним поворотом рубиль-

ника? Не боюсь. Ну, не боюсь, и всё». – «Когда Господь хочет наказать зайца, он дает ему храбрость», – заметил Сулейман. Трехтомник афоризмов шеф помнит наизусть.

* * *

Сегодня, впрочем, он был потрясающе краток.

– ...Тогда жёлтые братья не остановятся ни перед чем. Примутся громить «Скарапею» и резать по всему городу трансвеститов, гомосексуалистов, просто ярко одетых шлюх. Без разбору, ламия – не ламия. Ш-шайтан, придется попотеть!

Враз почувствовав себя лишним, я спросил:

– Мне, наверное, лучше уйти?

– Никуда ты не пойдёшь, – не терпящим возражений тоном проговорил Сулейман. – Заночуешь здесь, в приемной. Диван, конечно короток, ну да кресло подставишь. Не кисейная барышня. Всё, исчезни!

Спать хотелось зверски. Приходилось буквально держать веки пальцами, чтобы не закрывались. Я даже не стал раздеваться. Повалился на кушетку и подтянул колени к груди.

– Червлёна масть! – взвыл я через полчаса – изнурительных, бесконечно-долгих полчаса, совершенно ошалев от поворотов с боку на бок, вывихивающего челюсти зевания и тщетных попыток счесть беленьких барашков, сигающих через заборчик. – Что со мной происходит?

Зря я, конечно, завывал. Ничего удивительного во внезапной бессоннице не было. Попробуйте-ка заснуть, когда, стоит зажмуриться, появляются перед вами никакие не барашки – появляется налитое кровью лицо Сю Линя и его бешено дёргающиеся ноги. Когда в ушах звучит отвратительный хруст ломающихся костей. А настороженно шипящий «кто там?» Джулия с бутылкой подползает, подползает, подползает... Когда, наконец, под боком грохочет жуткий голос раздосадованного ифрита, ругающегося на множестве языков (из которых не все человеческие) со множеством разномастных собеседников. Следует также учесть, что собеседники находятся отнюдь не в его кабинете, а телефонной связи, как я уже замечал, Сулейман не признает. Да и глотки у диспутантов как на подбор: не то, что луженые – кевларовые.

К тому же диванчик, действительно, оказался короток. Я придвинул к нему кресло, после чего смог вытянуть ноги, вот только поза при этом всё равно получалась исключительно неудобной. Вдобавок меня посетила догадка, что на диванчике этом преимущественно сидят.

Пыльные оконные портьеры на роль белья не годились однозначно, пришлось воспользоваться писчей бумагой с секретарского стола. Чудного качества лощёные листы под щекой скользили, расползались как живые, и – самое жуткое! – были ароматизированы. Еле заметно пахли жасмином. Тем самым жасмином, что приводил меня с недавнего времени в неукротимую ярость. Воспоминания о круизе, совершённом по ночному городу в компании страстной до безумия щучки были ещё слишком свежи и болезненны. Серьёзно, болезненны.

Комедия, ей-богу.

Мне, однако ж, было не до смеху. Беспощадно растерзав в клочья все запасы чистой бумаги, до которых можно было добраться, я запихнул корзину с обрывками в самый дальний угол и слегка успокоился. Презрев брезгливость (ну, не голыми же задами, в конце-то концов, сюда садятся), лёг и стал размышлять.

Убийство китайца – вот что меня волновало. Никчёмное, полностью бесполезное. Джулии было вполне достаточно его *поучить*. Прихватить покрепче да растолковать, стуча кончиком хвоста по лбу, что он *конкретно не прав*, что ему здесь не провинция Ляонин. И прежде чем разевать пасть на большой кусок с чужого стола, следует хотя бы измерить диаметр собственного пищевода. Потому что крупные куски имеют обыкновение вставать у жадных дураков поперек глотки. А, объяснив, снять с него портки, хорошенько выдрать да и отпустить голожопого на все восемь сторон света. Господин Мяо только поблагодарил бы ламий за такую

полезную услугу. Вместо этого – очень серьёзный повод для очень серьёзного конфликта. Ergo? Конфликт ламиям не страшен. Возможно даже, он для них желателен. А поскольку люди-змеи о притязаниях Сю Линя были осведомлены давно (в отличие от господина Мяо), то и времени для основательной подготовки к любым действиям противной стороны было у них достаточно. Так что, скорей всего, не шлюх и трансвеститов сейчас на улицах режут, а китайцев душат да лисиц за городом собаками травят.

Понимает ли это шеф? Безусловно. Значит, чем он теперь занят? Правильно, демонстрацией пылкой любви и лояльности аспидам. Иначе говоря, сдаёт змеям-горынычам господина Мяо. С потрохами сдаёт. И сколь это ни подло, но – правильно. Политически правильно. Единственно правильно. Иначе потроха полетят из нас, его смертных подчинённых.

Ненавижу политику!

Проворочавшись ещё часа полтора, я поднялся с твердым намерением свалить. Заколебало, домой хочу. К любвеобильным молодоженам и соседу с рычащими трубами. Тем более, трубы ему должны были починить.

Выходить я не боялся. Ну, почти не боялся. Если Сулейман добился взаимопонимания с ламиями, мне ничего не грозит. Ну а если до сих пор не сумел, значит, договориться вряд ли вообще получится. И тогда остаётся уповать только на милость божью.

Что же касается его запрета... В гробу я видал его запреты. Что он мне – папа?

Дверь оказалась запертой. Барашек замка не проворачивался, как будто внутри всё превратилось в монолит. Так же надёжно были закрыты ящики секретарского стола, где я надеялся отыскать какие-нибудь таблетки. Снотворное, успокоительное, аспирин, наконец. Окно вообще не имело ни ручек, ни защёлок. Сейф... С сейфом понятно.

Пытаться лезть напролом, как положено комбинатору? Бессмысленно. Во-первых, не такие ослы на этой лужайке пасутся, чтобы упустить из виду существование ловкачей вроде меня. Все стены, двери и даже оконные стёкла армированы медной мелкоячеистой сеткой, сквозь которую пропущен слабый электрический ток. Асинхронный. Насколько мне известно, действует это простенькое устройство при контакте с нашим братом наподобие мясорубки. Каких-нибудь двенадцати вольт вполне достаточно, чтоб за долю секунды превратить организм диффундирующего комбинатора в беспорядочный набор молекул. В прах и пепел, из которого уже ни один волшебник, будь он хоть прославленным «живым божеством» Саид-Бабой⁹, не сотворит чего-либо путного. Во-вторых, я был так измотан последними событиями, что не сумел бы, наверное, продрагаться и сквозь мокрый газетный лист.

– Ш-шайтан, – сказал я, имитируя шефов говор. – Как же быть?

Немного погодя мне пришла в голову идея. Голова к тому времени напоминала расколотый глиняный горшок без крышки, наполненный всякой плесневелой дрянью, в которой шныряют мокрицы, поэтому идея в плане разумности была соответствующей. Я решил подглядеть в щёлочку, нельзя ли таким мышонком шмыгнуть в кабинет шефа и по стеночке, по стеночке добраться до кофейного столика. Мне подумалось, что коньяк, даже самый скверный, может вполне успешно использоваться в роли снотворного.

Тем более остаться его должно почти полбутылки.

Кабинет напоминал развалины сгоревшего дома. Головни, дым, треск и мерцание углей. Посреди этого ужаса закопченной каменной горой царил мой начальник. Высоченный несколько отяжелевший атлет с мрачной, но мужественной и красивой как у человекобыков древнего Шумера внешностью. По его завитой бороде пробегали багровые искры, высокий лоб светился, точно раскаленный чугун, из ушей и ноздрей извергались струи перегретого пара. Он говорил – нарочито медленно, веско, повелительно: слова, казалось, падали в пепел под ногами Сулеймана свежоотлитыми свинцовыми бляшками. Того, к кому он обращался, в тем-

⁹ Саид-Баба – знаменитый индийский маг, прославившийся «творением» из пепла множества различных предметов.

ноте за дымом я почти не видел. Однако то, что сумел разглядеть, заставило меня почему-то обмереть от страха. Страх был абсолютным. Пещерным. Детская боязнь темноты и того-кто-сидит-под-кроватью. Повторяю, целиком я этого существа не видел, но впечатление запомнилось надолго. Впечатление о чём-то тонком, коленчатом, подвижном, похожем на геодезический штатив или, может, на гигантское насекомое наподобие палочника. Было *это* высоким, метра два, матово-чёрным и, как будто, многоглазым. Штук восемь лаково поблёскивающих багровых точек, расположенных в верхней части «штатива» полукругом, вполне могли быть органами зрения.

– На лбу у него увидишь надпись: «Змет», – вещал ифрит, – что значит: истина. Уничтожь первую букву. Сотри, соскобли первую букву, чтобы получилось: «Мет», – смерть, и он обратится в глину. После чего ты разобьёшь его тем молотом, что я дал тебе. Черепки с остатками надписи соберёшь и принесёшь мне. Тогда я, быть может, явлю свою милость и отпущу тебя. Но не надейся понапрасну. Помни, я переменчив в решениях, гнев мой на твою измену может вспыхнуть с новой силой. Горе тебе послушаться меня и горе тебе обмануть меня. А сейчас поспеши. Очень поспеши, раб, пришедший не вовремя и отвлекший меня от важного и насущного.

Чёрный упал ничком, сложился вдвое, точно перочинный нож, потом ещё раз вдвое, и его не стало. Сулейман как-то совсем несолидно дернул согнутой в локте рукой, воскликнул: «Вот так я вас натягиваю, чурок!» и даже подвигал бедрами, будто танцуя рок-н-ролл.

Потом он почувствовал мое присутствие. Медленно выпрямился, расправил напряженные плечи. Замер. «Ой-ой», – подумал я.

– Говори. – Он вполоборота повернул ко мне голову.

– Кто это был?

– Не твоё дело. Паучок Ананси. Я не велел заходить, так?

– Не так, – огрызнулся я. – Было сказано: всё, исчезни. Я и исчез тогда. Сейчас...

– Ладно, – оборвал он меня, коротким рывком заворачивая голову ещё дальше. Одну только голову. Словно сова. – Чего тебе? Коньяку?

Вот же телепат!

– Коньяку. – Я потупился. Видеть его лицо, вывернутое на сто восемьдесят градусов, было невыносимо. Больше всего меня корбило почему-то от зрелища лежащей на плече бороды.

– Бери. – В живот мне ткнулась бутылка, я обеими руками прижал её к себе. – Сыру не осталось.

– Угу, – сказал я. – Насрать. Я есть не хочу. Да и выпить не особо. Заснуть бы.

– Заснёшь, – пообещал Сулейман.

* * *

Растолкал он меня раным-рано. Голова гудела, но скорей от недосыпа. Похмельные мучения меня обычно минуют. До сих пор миновали. Возможно, я просто ни разу не напивался по-настоящему.

– Быстро умывайся и сразу ко мне.

– Кофе будет?

– Обязательно. – Судя по его довольной роже, ночное бодрствование оказалось плодотворным. – Кофе, круассаны, камамбер и рошфор. Всё, что вы, французы, любите на завтрак.

– Да какой я, к лешему, француз.

– И то верно. Тогда – квашеная капуста, гречка и квас.

– Эфенди, – тоскливо сказал я. – За последние двое суток мне удалось проспять в общей сложности часа четыре. Поэтому чувство юмора атрофировалось у меня полностью. Если про

кашу и квас – шутка, считайте, что я рассмеялся. Если же серьёзная альтернатива кофе и круассанам, то пусть лучше будут все-таки круассаны. С шоколадным кремом.

– Гы, – довольно сказал Сулейман. – В смысле: бьен¹⁰.

Слегка посвежевший после холодного умывания, я вошёл в кабинет, неся в опущенной руке остатки «Борисфена». Никаких следов ночных безобразий. На кофейном столике парит огромная джезва, стоит корзиночка с рогаликами, маслёнка, кувшинчик для сливок, розетка с колотым сахаром. Две чашки, два блюда, две ложечки. На маслёнке – изукрашенный бухарский нож, давний предмет завистливых вздыханий Железного Хромца Убеева. За столиком, сложив ноги по-турецки, восседает радушно жмурящийся Сулейман Куман эль Бахлы ибн Маймун и прочая и прочая. Расчёсанная шёлкова бородушка – во всю грудь. Кудрявится.

– Садись, дорогой, немножко кушай, пожалуйста.

Я опустил на пушистый, как шуба персидского кота ковёр, поёрзал, устраиваясь, и принялся молча есть. Раз у шефа прорезался акцент, значит, дела наши на мази. Ну и замечательно.

– Зачем ты принёс сюда это жалкое пойло? – он потыкал пальцем в коньяк.

– В кофе накапаю.

– Убери, пожалуйста. Неужели мы лучше не найдём? Вот, посмотри, – он жестом факира сунул руку под халат, – «Камю». Очень неплохой «Камю». Почти твой ровесник. Семнадцать лет выдержки и куча регалий. А вообще-то, к спиртному привыкать не стоит. Даже в малых дозах.

Обе бутылки растаяли в воздухе. Я обречённо вздохнул.

Сулейман налил себе кофе, закатывая от удовольствия глаза, сделал первый крошечный глоток. Пряча усмешку, покосился на меня и пробормотал: «Шарман!»

Я сосредоточенно жевал рогалик.

Когда его чашка опустела (я приканчивал вторую), он несколько раздражённо поинтересовался:

– Э, дорогой, разве тебе совсем не интересно, чем старый ифрит занимался, пока ты там храпел во всю Ивановскую?

– Помнится, не моё это дело.

– Ах, ах, какой обидчивый юноша, да?

– Нет, эфенди, – сказал я. – Просто мне действительно не хочется знать подробностей. По вашему лицу вижу, что порядок полнейший, всё в ажуре. А какими путями сия радость была достигнута... – Я мотнул головой. – Да вы ведь и сами не скажете.

– Всего, конечно, не скажу, – посерьёзnel он. – Но кое-что тебе знать следует. *Алеф*, то бишь первое. Этой ночью погиб не только Сю Линь, но и его дядюшка.

– Ого!

– Несчастный случай. Господин Мяо, пребывая в лисьей шкуре, мышковал на своих излюбленных угодьях где-то в районе Синих Столбов. Угодья охраняются как целомудрие султанской невесты – мышь не проскользнёт, да? – но всех случайностей не предусмотреть. В одной норке вместо хозяйки-норушки пряталась змея. Прямо в морду ему вцепилась, очень крепко. Как капкан. Зубы разжать долго не могли, пришлось сначала голову ей оторвать. Будь это обычная гадюка, старичка бы спасли, факт. А то оказалась, понимаешь, фер-де-ланс. Южноамериканская змейка, да. Даже я про такую раньше не слышал. Китайцы – тем более. Пока серпентолога разыскали, пока привезли, то да сё – господин Мяо уже отходить начал. Паралич дыхания. Ну, возились, натурально, до последнего, шурум-бурум всякий делали. Трубки в горло толкали, электричеством били. Колдовали немножко. Противоядие заказали в Боготе. – Он поймал мою руку с булочкой, посмотрел на часы. – Угу, курьер, должно быть,

¹⁰ Хорошо (*фр.*).

уже на подлёте. Да только зачем оно теперь, противоядие? Таксидермист им хороший нужен. Чучело красиво набить. Потому что Мяо сейчас не похож ни на зверя, ни на человека. «Нечто» какое-то с антарктической станции.

– Развелось нынче любителей опасной экзотики, – покивал я, отметив с удивлением, что Сул, оказывается, и кино посматривает. – Помните, третьего дня аллигатора в канализации поймали? Не следят толком за питомцами, сволочи.

– Сечёшь. Слушай дальше. После смерти господина Мяо власть в китайской общине перекочевала к господину Хуану. Ты должен его помнить, он был у нас вчера вместе с Мяо. Крепкий такой, духовитый, усики ниточкой. Так вот, ему Сю Линь, грубо говоря, в яшимовый жезл не упёрся. Тем более, сейчас, когда и патриарха хоронить надо и дела принимать, ну и так далее. Поэтому можно считать, что с этой стороны у нас всё гладенько.

– А деньги нам господин Мяо уплатил авансом? – спросил я невинно.

– Естественно. Теперь *Бет* или два. Друзья китайчонка. Так вышло, что именно этой ночью наша отважная милиция наконец-то взялась за нелегальных мигрантов. Шерстить начали с китайских общаг. Подавляющее большинство жильцов, как понимаешь, оказались без виз и прописок. О том, чтобы выдворить из города и страны всех, речь даже не заходила – это ж умотаться, сколько денег потребуется! Но два десятка самых отъявленных нарушителей все-таки посадили на самолёт.

Я предупредительно поддёрнул рукав, показывая ему часы:

– Сейчас они, должно быть, на подлёте к Хабаровску?

– Вряд ли, – холодно проговорил он. – На Пекинском рейсе сверхзвуковых самолетов нету. И третье.

– Гиммель, – подсказал я, уже откровенно резвясь.

– Если желаешь, – его голос вдруг наполнился тёплым молоком и мёдом. – Так вот, *гиммель*. Третье, последнее, оно же главное. Ты расшалился, Павлуша. Твоё поведение становится всё более отвратительным. Грубишь непрерывно. Приказы начал нарушать. Я, конечно, добр нечеловечески, отходчив нечеловечески и воистину ангельски терпелив. Но любому терпению когда-то приходит предел. Берегись. Видит небо, – тихо и оттого по-настоящему грозно сказал он, вздымая руки к потолку (мне показалось на мгновение, что не стало над нами ещё одного этажа, чердака и крыши, а нависло над нами огромное низкое небо, которое всё видит и всё запоминает), – ещё чуть-чуть, Паша, и я отдам тебя ламиями. Их до крайности заинтересовал вопрос, был ли Убеев прошлой ночью единственным нашим агентом в «Скарапее». Моё «клянусь, да» почему-то совсем их не убедило.

Он плеснул себе кофе и опустил к чашке глаза.

– Сулейман-ага, – потерянно пробормотал я. – Уважаемый! – Он обжёг меня коротким взглядом, полным печали и гнева. Подумал, что я продолжаю язвить. – Я это... Господи, да не высыпаясь я, вот и всё! Мне же необходимо много спать, иначе надорвусь. Ведь не железный я, не каменный. Даже не дух. Человек. Всего лишь.

– Паша, – мягко сказал он. – Я всё понимаю. Пойми и ты. Надо потерпеть. Ты молодой, сильный, выносливый, ты справишься. А отдохнёшь, когда окончательно отвяжемся от аспидов и с Софьей закончим. Обещаю. Но сейчас по-другому просто нельзя. На кон поставлено слишком многое. Ну, по рукам?

Я кивнул и ожесточённо принялся намазывать на круассан масло.

* * *

Разговор с шефом здорово выбил меня из колеи. Настолько, что, встретив Жерарчика, я вместо ставшего уже привычным приветственного пинка совершил небывалое: машинально подхватил его на руки, погладил и сунул за пазуху. Бес притих в полном недоумении.

– Когда мы должны быть у Софьи?

– В десять.

– Правильно, в десять, – задумчиво сказал я. – Сейчас половина седьмого. А я уже больше часа на ногах.

– В такую рань? С ума сойти! – сочувственно пискнул кобелёк.

– Ты прав, – согласился я. – Это невообразимо. Зато, с другой стороны, времени впереди навалом. Поэтому я немедленно иду домой. Мне срочно требуется принять душ и переодеться. Представляешь, я спал в одежде!

– С ума сойти! – снова воскликнул Жерар.

– Только я тебя умоляю, не нужно делать этого прямо сейчас, – попросил я и неожиданно для себя добавил: – Хочешь пойти со мной?

– А можно? – скромно спросил бес.

– Пожалуй, – признал я, прислушавшись к собственным чувствам. Мне действительно не хотелось сейчас оставаться одному. И мне действительно было приятно тепло его маленького лохматого тельца. Я повторил: – Пожалуй, да. Но обещай, *mon enfant*¹¹, что будешь смирным. Особенно на язык.

– Яволь, сагиб! Замётано, – с вспыхнувшим энтузиазмом твякнул он и задвигал хвостом. – Я буду смирней немой от рождения курицы, несомой на заклятие. Я буду как в рот воды набравшая рыба. Я прикушу язык и ни за что, ни за что не разину пасть, ибо уста мои затворены печатью молчания. Кстати, Паша, это мне только чудится или от тебя на самом деле неопишимо, совершенно охренительно пахнет бабой?

* * *

Полностью восстать из руин мне, к сожалению, так и не удалось. Ни бравурная громкая музыка (я запустил «Легендарные марши третьего рейха»), ни переодевание в свежую одежду, ни даже контрастный душ не возвратили душевного равновесия. Жерар добросовестно пытался развеселить меня анекдотами и забавными историями из своей долгой жизни. Врал он при этом, по-моему, безбожно. Но добился того лишь, что выдав: «А ещё был случай. Одна довольно именитая поэтесса, моя тогдашняя хозяйка, а шёл, сколько помню, год 1965-ый, дожив до весьма уже преклонных лет полной затворницей, вдруг страстно взалкала чувственной любви. И непременно с чистым впечатлительным юношей...», – был послан по известному адресу. С множеством мелких уточняющих маршрутов подробностей.

Спохватился я чересчур поздно. Пройдоха бес в мгновение ока уловил суть моего бешенства и противно захихикал.

– Башку оторву! – растерянно пообещал я.

Презрев угрозу, псина повалился на спину и принялся дрыгать лапами, взвизгивая совсем по-человечески: «Так ты что, девственность потерял? Нет, серьёзно? Со старухой? А мы-то все завистливо думали, что Паша у нас Дон Жуан де Казанова! А оказалось-то... Ой, не могу!»

Веселился мерзавец так заразительно, что и я, в конце концов, не вытерпел – подхватил, захохотал вместе с ним.

– Учти, зверь, – сказал я несколько минут спустя, волевым усилием возвращая лицу суровое выражение. – Об этом никто не должен знать. Приказать не могу, но прошу. Язык у тебя, конечно, как помело, и всё-таки. Войди в положение. Должна же быть какая-то мужская солидарность. Договорились?

¹¹ Дитя моё (фр.).

– Какой разговор, чувачок, мы же напарники! Будь спокоен, я – могила. Склеп! – выпалил он одним духом, старательно тараща на меня честнейшие глазки. Сразу сделалось понятно, что доступ в «слеп» будет открыт полный, причём для каждого желающего. С пространными комментариями экскурсовода по поводу захоронений. – А она была очень старая?

– Кто? А-а... Да нет, – сказал я небрежно, стремясь хотя бы этим подретушировать свой порядком поблекший портрет, на котором ещё вчера блистал великолепный boulevardier¹². – Совсем не старая. Вроде Софьи Романовны. Только чуточку стройнее. В общем, крайне худая. И довольно красивая.

– Тощие – они в постели самые злые, – со знанием предмета заявил бес. – Верно тебе говорю. А ещё...

Я взял его за загривок и, несильно встряхнув, сказал:

– Достаточно. Избавь меня от необходимости выслушивать эту похабень, – я смягчил интонацию, – *напарник*.

После чего погладил по головке и добавил ласково:

– А то утоплю ведь, как обещал. Тогда уж точно воды в рот наберешь.

– Ладно, ладно, молчу, – пискнул бес. – Только перестань, пожалуйста, держать меня на весу. Да поспеши, пока не стошнило. Я высоты и качки боюсь.

Пришлось опустить его на пол.

– Спасибо вам огромное, – сказал он ворчливо и, лизнув себе бочок, спросил: – Знаешь, кого ты мне сейчас сильно напомнил?

– Ну?

– Шефа. Один в один. То злишься, то хохочешь, то сотрудников тиранишь. Интересно, ты специально стараешься его копировать, или это получается бессознательно? Думается мне, ты был обделён в детстве родительской нежностью, поэтому до сих пор ищешь во взрослых мужчинах замену недолюбившему тебя отцу.

– Сулейман не мужчина, – отмахнулся я. – И вообще, угомонись, психоаналитик домо-рощенный.

– Вот, помню, точно также и Фрейд мне говаривал. Помалкивай, дескать, пёсик. Кто из нас врач – ты или я? А потом взял, да и опубликовал мои выкладки под своим именем.

– Ну, зверь, – сказал я потрясённо, – ты уж совсем заврался.

– Можешь не верить. – Кажется, он по-настоящему обиделся.

* * *

Дулся Жерар весь день. Даже Софья заметила, что между нами кошка пробежала.

– Что натворил этот проказник?

– Есть отказался. Сухой корм ему, видите ли, опротивел.

– Но Поль! Ведь он прав. Вот ты мог бы кушать ежедневно одни сухари?

– Я – другое дело. Человек, венец творения, тонкий инструмент эволюции. А он всего лишь животное. Кроме того, я покупаю ему самое дорогое питание, специально для некрупных пород собак. Лучшие ветеринарные врачи гарантируют, что оно полезно и полностью удовлетворяет потребности организма. Не хочет доверять опытным собаководам, дело его. Будет голодать. Тоже полезно.

– Голодать он не будет, – твердо сказала Софья. – Я найду для него что-нибудь особенное. От чего он не сможет отказаться. Согласен, Жерарчик?

Бес изо всех пёсчих сил начал демонстрировать полное и безоговорочное согласие сожрать из её рук что-нибудь особенное.

¹² Вертопрах (*фр.*).

– Видишь, Поль?

– Да он же просто в вас влюблен, – сказал я. – И я его вполне понимаю.

– Ах, Поль, – она погрозила мне пальчиком. – Будь осторожен. Я могу рассердиться. Флирт с работодателем выходит далеко за пределы твоей компетенции.

– Готов рискнуть, – сказал я. – Но не делать комплиментов очаровательной женщине, тем более, комплиментов заслуженных – выше моих сил.

Она с улыбкой отвернулась.

Случился этот разговор часу в двенадцатом, а до того я успел пройти процедуру знакомства с домом и челядью Софьи Романовны. Дом, симпатичный двухэтажный особнячок (этакое шале альпийского стиля), расположенный в центре небольшого садового участка и окруженный приличной высоты новеньким кирпичным забором, был, очевидно, в недалёком прошлом детским садом. Прислуга же, которую Софья отрекомендовала «мои надежные друзья и помощники», вполне возможно, трудилась в этом детсаде, подбирая тогдашним хозяевам сопельки и кормя их кашкой. Во всяком случае, дамы. Горничная и кухарка.

Они были представлены первыми (просто Танюша и Танюша Петровна) и оказались женщинами средних лет и вполне заурядной внешности. Зато не таков был мажордом Анатолий Константинович. Плотный представительный дядечка с седыми висками и холёным усаемым лицом. Было заметно, что кухарка и горничная от него просто без ума. И в жёстоких контрах по этому поводу между собой. Мажордом же – холоден и бесстрастен. (Верный признак того, что почём зря пользуется слабостью воздыхательниц. Это объяснил мне мой лохматый напарник. Сам бы я до таких глубоких умозаключений вряд ли дошёл.) Кроме домашней прислуги была у Софьи ещё и челядь мобильная, сопровождающая её за стенами дома. Шофер и телохранитель.

А теперь вот и я вдобавок.

Вообще, обязанности мои в первый день на новом месте оказались самыми пустяковыми. Поддай-принеси да «расскажи что-нибудь весёлое». Сама «деловая девушка» тоже не очень-то изнуряла себя переговорами, изучением бумаг и тому подобными скучными занятиями. Может быть ещё оттого, что день выпал субботний. Мы пару раз прошлись по магазинам (я, разумеется, таскал картонки и пакеты – к счастью, довольно лёгкие), пообедали в какой-то простенькой закусочной, заглянули в салон красоты и солярий. Часам к трём пополудни завернули и в расположение фирмы «СофКом – электронные системы».

В офисе, рассчитанном на десяток работников, но по причине выходного абсолютно пустом, Софья Романовна большей частью баловалась на компьютере, увлечённо уродуя с помощью специальной программы фотографии артистов и политиков. А чем-то похожим на работу занялась только под самый вечер, когда вдруг с огромной скоростью заработал факс. Она тут же выставила меня из кабинета вместе с бесом, приказав посылать всех туда, куда Макар телят не гонял.

К моему полному удовлетворению, посылать никого не пришлось. На протяжении полутора часов, пока она сидела взаперти, заглянул один лишь курьер из местного представительства «Cosmopolitan». Привез стопку свежих журналов с лицом Софьи на обложке и восторженной статьёй о «Леди Успех и Элегантность».

Курьер был моим сверстником и, видимо, редкостным лентяем. Наше присутствие в офисе его приятно удивило. «Выходной же. Думал, придётся домой к ней тащиться, как подорванному. А транспорта-то от редакции шиш дождёшься». Мы поболтали о том, о сём, но недолго. Курьер спешил восвояси. «Доложусь о выполнении, и – геймовер! Потеряюсь до понедельника. В воскресенье корячиться меня вообще не таращит. Ни за какое бабло. А ты долго ещё тут париться будешь?» Услышав «как получится», он снисходительно посочувствовал мне и потерялся. Думаю, навсегда.

Сунуть нос сквозь стенку и поглядеть одним глазочком, что за секретные сообщения поступили на адрес Леди Успех, тоже не удалось. В приемной помимо меня постоянно обрета-

лись ещё двое Софьиных подчиненных. Подремывающий за газеткой шофер Кириллыч, похожий манерами и фантастически подвижным лицом на актера-комика (впрочем, водил он очень прилично). И угрюмый телохранитель, с маниакальным упорством фанатика сжимавший резиновое кольцо эспандера. Телохранителя звали, как и меня, Пашей. Был он круглоголов, курнос и конопат, с длинными прямыми волосами, перехваченными на лбу шнурком. Похоже, я ему сильно не нравился. В его взглядах, изредка бросаемых на меня, явственно читалось: «Ну, блин, и тип, бабской работой занялся. Секретут, ёкарный бабай!..» А Жерара, дай волю, он вообще бы прикончил. Придушил бы своими натренированными до железной твердости пальцами.

Бес это понимал и безвылазно сидел под моим столом.

У меня понемногу начало складываться убеждение, что наши заказчики приняли за настоящий след откровенную липу. Софья была всего-навсего яркой «ширмой» – и даже не слишком старательно сделанной. Основными делами возглавляемой ею фирмы ворочали, скорей всего, скромные трудяги, сидящие в каком-нибудь неприметном кабинете. Она же в лучшем случае только подписывала бумаги. Ну, и снималась для «Космо».

Но проблемы и промашки заказчиков волновали меня, как можно понять, меньше всего.

Глава четвертая

ОТКРЫТЬ КИНГСТОНЫ

Испытательная неделя ползла как умирающий червь и тянулась, как песня погонщика северных оленей. Днями я служил на посылках, много улыбался, мягко стелил, низко кланялся, был рад стараться и то тянулся в струнку – руки по швам, а то прогибался в дугу. Дабы я чего доброго не взбунтовался от такой жизни, проклятый мой сообщник беспрерывно напоминал мне заветы шефа. Были они почему-то как на подбор унижительными до последней степени, сообщая, что не поклонясь до земли и гриба не подымешь, спесивому и кошка на грудь не вскочит, а заносчивого коня построже зануздывают. И вообще, если ты профессиональный шпион, то, пребывая «на холоде» (как выражаются разведчики о заданиях в глубине вражеской территории), не надо зазнаваться, что вошь в коросте.

Тем я и занимался. Помаленьку лаялся с бесом наедине и изображал доброго хозяина принародно. Вечерами исправно поставлял Сулеймановым курьерам всякий информационный мусор (перерывать его в поисках жемчугов приходилось, очевидно, «курам» из аналитической группы) и старательно мыл-намывал собственную голову, заметив особо щепетильное отношение Софьи Романовны к чистоте волос у окружающих.

Последние сомнения в том, что я попусту трачу время, отпали, когда в офисе «Соф-Кома» мне повстречался деловитый, как никогда, серендибовский интеллектual Максик, обладатель заоблачного IQ. Задирая нос выше собственного шибко развитого лба, он прошествовал к столу, отмеченному внушительно-загадочной табличкой «Начальник IT-отдела», по-хозяйски уселся в кресло и принялся отбивать по клавиатуре сбивчивую чечётку.

Заметил Максика и Жерар.

– Весь мир стал полосатый шут; мартышки в воздухе явились! – тревожно шепнул он мне на ушко. – Ну, чувачок, дело-то, похоже, и вправду серьёзное. Иначе бы хрена два папаша Сул рискнул своим главным блюдолизом.

Правда, выражение бес применил значительно более крепкое.

Я кивнул и молча пожал ему лапу. Больше мы на «начальника IT-отдела» не смотрели, опасаясь выдать взглядом собственное злорадное торжество. Торжество, подобное которому возникает у окопной братии, заметившей скорчившегося рядом, под массивным неприятельским обстрелом, по уши в холодной грязи холёного штабного хлыща.

Впрочем, офис «СофКома» Леди Успех и Элегантность (и мы с нею) посещала совсем не часто. Максик мог чувствовать себя спокойно.

Когда выдавалась свободная минутка, мне нравилось выбраться в сквер, окружающий шале Софьи, и развалиться на травке в его дальнем углу. Сквер был порядком запущенным, засаженным сиренями и акациями. Трава стояла почти до середины икр. Я лежал в одуванчиках и куриной слепоте, забросив ноги на гимнастическое бревно, каким-то чудом уцелевшее после закрытия детсада, и жевал какой-нибудь стебелёк.

К сожалению, и здесь мне далеко не всегда удавалось избежать общества Жерара. Видимо, даже бесу порядком осточертела необходимость постоянно угодничать и лебезить.

Кто бы мог подумать?..

Вот и сейчас он сидел неподалеку – но так, чтобы я не мог запросто достать его кулаком или ногой – и, с азартом выгрызая что-то из шкуры, бубнил наставительно:

– Пора подвести некоторые итоги, Паша. Обо мне и моих колоссальных успехах, если не возражаешь, поговорим чуть позже. Сейчас речь о тебе. Сухие факты. Без обид, хорошо? Результаты, как мне ни жаль, мало впечатляют. Однако не станем о грустном. Кое-что удалось и тебе. Пусть ты не сумел пока влезть Софье в дела, зато накоротко сблизился с обеими Таню-

шами, кухаркой и горничной. Замечательно, напарник, мои поздравления! Такая дружба, без всякого сомнения, крайне для нас полезна.

– Тебе видней.

– Это точно. Однако в деле поддержания этой дружбы всё-таки существуют, как я понимаю, некоторые трудности? – Он высвободил морду из шерсти и уставился на меня, ожидая подтверждения.

– Не без того, – лениво согласился я.

Трудности, действительно, существовали. Бес оказался абсолютно прав, когда заявлял, что Танюши сохнут по мажордому Анатолию Константиновичу небезответно. Так оно и было. Усатый подлец вопреки поговорке с успехом сидел на двух стульях сразу. Словом, одаривал благосклонностью обеих дамочек. И поскольку каждая прекрасно понимала, насколько бывает непрочной любовь сердечного друга при наличии конкурентки, бесились обе из-за того чудовищно. А сохранять одинаково ровные отношения с враждующими на почве страсти русскими женщинами...

– Конечно, не без того! – с непонятной мне радостью воскликнул Жерар. – Посмотри, страсти приближаются уже по накалу к испанским и средневековым. Скоро должны начаться конфликты. Ах, как это чудесно! Яд и кинжалы!

– Скорее, ругань и драки, – поправил я. – Вокруг, как можно заметить, отнюдь не средневековая Испания.

Жерар точно не слышал. В кои-то веки я не трясу его, как погремушку, заставляя немедленно умолкнуть, а прилежно слушаю! Этим нужно было пользоваться. И он пользовался:

– Чтобы оставаться добрым товарищем каждой из соперниц, я же вижу, Пашенька, тебе приходится постоянно маневрировать. Проявлять настоящие чудеса изворотливости. Куда там героям Бомарше! Как ни удивительно звучит, но это здорово играет нам на руку! Совершая маневры, ты... – Бес заговорил, делая таинственные, полные потаённого смысла паузы. – Совершенно неожиданно... должен оказаться... В мягких объятиях просто Танюши! И... И лучше бы неоднократно.

Я от возмущения просто онемел. Так вот куда он клонит, кобель паршивый! Опять за старое. Ну, постой...

Жерар продолжал вдохновенно вещать, упиваясь собственным красноречием:

– Конфликт естественным образом исчерпается, а мы получим союзницу. Да ещё какую! Горничная, Паша, это же почти что стопроцентный доступ к любым секретам любой семьи. К личным дневникам, коробочкам с лекарствами и ящикам с бельём. Горничная вхожа в такие места, в которые нам не попасть ни при каких обстоятельствах! Будуар, ванная, наконец, дамская, прощу прощения, комната...

Увлечённый открывающимися перспективами, пёсик окончательно забыл о необходимости соблюдать бдительность. За что немедленно поплатился, будучи в очередной раз бит. Надеюсь, из окон за экзекуцией никто не наблюдал. Впрочем, сирени скрывали нас достаточно надёжно.

Потом бес, жалобно постанывая, зализывал раны, а я, устыдившись собственного гнева, виновато оправдывался.

– Ну, прости. Ну, сорвался. Так ведь сколько можно? Запарили уже твои намёки. Реально запарили. И почему ты, псиная душа, считаешь меня каким-то извращенцем? Геронтофилом каким-то. Единственный позорный факт биографии не может служить основанием для выводов о моей окончательной порочности. Я вполне нормальный молодой человек, интересующийся в первую очередь сверстниками. У меня, к твоему сведению, есть Аннушка, куколка моя. И ещё сестрички-мелиссы Лада и Леля. Которых я давеча встретил вторично – и славно пообщался, между прочим. Без всяких двусмысленных маневров с их стороны. Жив-здоров, как видишь.

Бес прекратил вылизываться и с сарказмом заметил, что касаясь макошевых отроковиц, ещё разобратся надо, *кто у кого есть*. Если они до сих пор не сотворили кое с кем простодушным страшного, то исключительно оттого, что держат вышеназванного кое-кого за неприкосновенный запас. На случай чёрного (в особенности сам знаешь, для кого) дня. И когда однажды прелестные рыбачки останутся без улова потребных мужеских тел, то упомянутый простак послужит им сырьём для омерзительных манипуляций. И, мучительно погибая, вспомнит, конечно, своего маленького неоценённого друга, но будет поздно. А о куколке Аннушке Жерар, коли на то пошло, вообще впервые слышит. Однако заранее готов к тому, что она сто-крат опаснее Лады и Лели вместе взятых.

- Впрочем, – блеснул он глазками, – познакомь?
- Pourquoi pas? ¹³ – ответил я как можно более небрежно. – Как-нибудь...
- Сегодня. – Бес, чутко уловив в моём голосе слабинку, стал твёрд.
- Почему нет? – повторил я.

* * *

Чем ближе мы подходили к «FIVE-O'CLOCK», тем меньше у меня оставалось решимости сделать первый шаг к более близкому знакомству с Аннушкой. Ну что я ей скажу? Как? Подстеречь её у служебного выхода после завершения смены и хлопнуть по попке: «Хелло, бэби! Как ты смотришь на то, чтобы потусоваться со мной в “Папе Карло” этой ночью?» Или пасть на колено прямо посреди торгового помещения: «Мадемуазель, я потрясён вашей ангельской красотой! Позвольте стать вашим рыцарем?» Бред. Кроме того, и в первом и во втором случае существует вполне реальная опасность схлопотать по шее от охраны.

Кроме того: вдруг у неё имеется возлюбленный? А ведь наверняка имеется.

- Сучка ты, Жерар, хоть и кобель, – тоскливо сказал я.
- Тяв-тяв! – довольно подтвердил бес, нагло пристроившийся у меня на сгибе левого локтя.

Я ущипнул его за что пришлось и вошёл в магазин.

Аннушка, куколка моя, с доброжелательной улыбкой рассказывала что-то немолодому, плешивому и обильно потеющему толстозадому дядьке, делая жесты в сторону одетого с иголочки манекена. Дядька был очень большим, в шёлковой гавайке, мятых шортах и дурацких жёлтых шлёпанцах на босу ногу. У него были тугие щёки чревоугодника, похожий на кукиш подбородок и могучий рубильник с торчащим из ноздрей густым волосом. Он походил на разжиревшего облезлого попугая. В руке он крутил ключи от машины. Демонстративно так крутил. Ну, ещё бы – брелок у ключей был золотой с «Мерседесовской» символикой. На манекен престарелый попугай не смотрел вовсе, а пялился выкаченными бледными гляделками на Аннушку. Причём с видимой похотью.

Мне сразу же захотелось настучать ему по башке чем-нибудь тяжёлым. Отобрать ключики мерсюковские да кэ-эк вмазать по родимчику! Разиков пять. Можно больше.

– Это она, – сказал я одними губами, отвечая на нетерпеливые подёргивания Жерара. – И, кажется, её нужно спасать.

Бес мой, оказывается, придерживался того же мнения. Он встрепенулся и, совершив самоотверженный прыжок, очутился на полу, возле толстых икр носатого владельца «Мерседеса». Звонко пролаяв, бросился бежать.

«Стой, дурашка!» – закричал я с паникой в голосе, устремляясь вдогонку.

Поднялась суматоха. Полусогнутый на манер буквы «зю», с вытянутыми руками, я носился между манекенов и вешалок с одеждой, умоляя пса вернуться. Тот задорно гавкал,

¹³ Почему нет? (фр.).

подпрыгивал, крутился как заведённый, и возвращаться решительно не собирался. Сперва вся эта кутерьма была спектаклем исключительно двух актёров, но постепенно к нам подключились продавцы, некоторые посетители и – что самое приятное – Аннушка.

Ей-то терьер и попался.

– Спасибо, – сказал я, принимая у неё всё ещё дёргающего конечностями беса. Посмотрел на бэджик и добавил: – Анна Антоновна.

– Вообще-то, вход в магазин с собаками категорически запрещён, – строго сказала она, ероша Жерару шерсть между ушей. – Вы должны были видеть сообщение на дверях. Штраф – пятьсот рублей.

– Так то с собаками, – сказал я. – А это кто? Это ж чудовище мелкое. Монстр какой-то термоядерный. Катастрофа хвостатая. Про мелких чудовищ в сообщении, между прочим, ничего не сказано.

– Это самое... – подал голос забытый всеми попугай, зазвенев своими ключами, точно дурак из ярмарочного балагана – бубенцами колпака. – Девушка... Мы с вами ещё не...

– Долли, – сказала Аннушка, обращаясь к одной из подошедших умиляться Жераровой внешности девушек-продавцов. Долли своей мордашкой, хранящей чуточку испуганное выражение, и мелкими кудряшками удивительно походила на хорошенькую беленькую овечку. Я поневоле стрельнул глазами окрест: не найдётся ли поблизости овечки-близняшки. Не нашлось. Впрочем, полное имя девушки по сообщению нагрудной нашивки было Долорес. Долорес Кудряшова.

– Долли, поговори, пожалуйста, с этим господином, – попросила Аннушка Кудряшову-в-кудряшках. – Дело в том, что мне срочно нужно определить, стоит ли штрафовать этого молодого человека...

– Которого, между прочим, скучные документы зовут Павлом, а друзья – Полем, – вставил я, широко улыбаясь.

– ...Которого вдобавок зовут Полем, – с готовностью согласилась она, – за вход в наш мирный магазин с действующим термоядерным взрывом. И если стоит, то на какую сумму.

– В самом деле, – сказал я, интенсивно кивая. После чего (эх, была – не была!) взял Аннушку под руку и мягко повлёк в сторону. – В самом деле, разобраться необходимо. Причём спешно. Однако же и скрупулезно. – Я добавил вполголоса: – Может быть, мне ещё премия полагается. За освобождение красавицы от не слишком приятного для неё общества чрезмерно привязчивого дура... хм... клоуна.

– Не уверена, что такие расходы предусмотрены в нашем бюджете, – возразила, улыбувшись, Аннушка, но руку высвобождать покамест не стала.

– Да бог с ней, с премией! – воскликнул я. – Разве ж я за презренный металл жизнью рисковал? Нет, нет и ещё девятьсот девяносто восемь раз нет. Такое постыдное качество, как алчность, вашему покорному слуге категорически чуждо. Главное, что мне удалось проявить себя защитником и освободителем. Где-то даже героем. Паладином! Во все времена у самых прекрасных девушек к героям было совершенно особое отношение. Сейчас я с законным правом могу примазаться к славе всяких Робуров и Артуров.

– Настоящий герой – он, – сказала Аннушка, куколка моя, тормоша ликующего от ласки Жерара. – Кажется, это йоркширский терьер?

– Он самый.

– Вы не находите, Поль, что спасённая имеет право знать имя отважного пса?

Вот так всегда! Никогда не соревнуйтесь с детьми и животными в умении завладеть вниманием понравившейся девушки. Один чёрт проиграете.

– К сожалению, его настоящее имя, а вернее, кличка, записанная в метриках и дипломах, совершенно не произносима для человеческого языка, – сказал я печально. – Два десятка одних согласных, первая из которых «Же». К тому же, если всё-таки, сломав язык и завязав

его морским узлом, кто-нибудь измудрится произнести эту кличку без запинки, прозвучит она довольно неприлично. С запинками – тем более. В переводе с древнейоркшир-терьерского она означает, прошу прощения, – Блохастый. Если угодно, Вшивый. Ни ему, ни мне такой сомнительный оборот, разумеется, не нравится. Поэтому я зову его Жориком.

Жерар дёрнулся, как от укола иголкой в мягкое место, и укоризненно уставился мне в глаза.

– Видите реакцию, Анна Антоновна? Ведь всё понимает. И признателен, признателен, первый друг человека.

– Аня, с вашего позволения. Кстати, лично я не вижу в его глазах признательности. Помоему, он чем-то недоволен.

– Не исключено, – поспешил я поддакнуть. – Капризная порода. Балованная.

– Дамская, кажется.

– Безусловно, Аня, безусловно! – с жаром согласился я. – Самая что ни на есть дамская. Но, заметьте, это сейчас. Раньше йоркширских терьеров злые капиталисты содержали на фабриках специально для того, чтобы рабочие вытирали о них замаслившиеся руки. Живая ветошь, представляете? К тому же сама себя чистит. Язычком, язычком. Жестоко, конечно, но зато очень удобно и крайне выгодно с утилитарной точки зрения. Их почти не кормили. Смазки-то в те годы использовались всё больше растительного да животного происхождения. Вот они и были сыты. Жили, естественно, мало.

– Ужас! – пожалела Аннушка несчастных животных. – Но вы-то об него, надеюсь, грязные руки не вытираете?

– Что вы, Аня! Как можно.

– Тогда отчего такой странный для мужчины (в голосе её появились лукавые нотки) и паладина выбор? Носить его всюду на руках, терпеть капризы. А порой, должно быть, и ощущать косые взгляды окружающих... Не лучше ли было завести собаку другой породы? Посолидней. Стаффорда, например. Тоже терьер.

– Понимаете, Аня (ах, как мне нравилось произносить снова и снова её имя!), я ценю в животных прежде всего ум. И ещё... как бы это выразиться... домашность, что ли. Бойцовые собаки, вроде того же стаффорда, конечно, солидно выглядят, повышают престиж владельца, но мозгов у них с изюмину. Это ж машины для убийства. А мыслящая машина, дорогая Аня, – абсурд. Кроме того, Жорик в некотором смысле подарок. А дарёному кобелю, как и дарёному коню...

– В некотором смысле? – с живым интересом переспросила Аннушка. – Интересно, как это может быть? Расскажите, Поль!

«Жорик» насторожил ушки. Ему тоже было любопытно, как я выкручусь и что наплету.

– О, это весьма занятная история! – принялся я самозабвенно врать. – Ведь я, Анечка (прошла Анечка, великолепно!), отчасти француз. По прадедушке. Соответственно, имею в далёкой Галлии более-менее близких родственников. Иногда они вспоминают о существовании русского правнучатого кузена и скрепя сердце приглашают погостить недельку в Париже. По правде говоря, такое счастье выпадало мне всего дважды: первый раз в почти бесштанном детстве, а второй – в прошлом году. Тогда-то всё и случилось. Присматривать за взрослым мальчиком не в парижских традициях, поэтому я гулял по городу совершенно свободно. Благо кое-как умею изъясниться – ну, там: «мосье, же не манж па сис жур», «шерше ля фам» и тому подобное. Вот топаю я как-то по Монмартру, лижу мороженое «L'arc Triomphal» – «Триумфальная арка», как вдруг!.. Слышу вдруг в насквозь нерусской атмосфере мелодическое струение родных русских отборных, pardon, идиом и их неповторимых сочетаний. Причём звучат сии фразеологизмы на удивление интеллигентно и даже где-то изяшно. Да может ли такое быть, спрашиваете вы, Анечка, недоумённым взглядом, и я решительно отвечаю: может! Может. А почему? А всё потому, что произносятся эти лексические па-де-труа – не в том, разумеется,

смысле, что они на три голоса, а в том, что в три этажа – надтреснутым старушечьим голосом. И ещё слышатся в том голосе отзвуки былого, белоэмигрантского ещё аристократизма, свободный стиль кокаиново-поэтических салонов серебряного века. Зачарованно иду на звук. Ну, так и есть: *la vieille*¹⁴, – бабулька! Совершеннейший божий одуванчик. Видели вы, Анечка, когда-нибудь этих стареньких парижанок в кожаных мини-юбках, ботфортах, декольте и париках? Зрелище, признаюсь, для русского глаза, привыкшего к убогой сермяге отечественных пенсионерок, экстравагантнейшее. Зато и незабываемое.

Аннушка увлеченно слушала. Порозовевшая, то улыбающаяся смущённо, а то и смеющаяся. Рука её оставалась в моей ладони. Воодушевлённый этим несказанно, я продолжал:

– Ну вот, мадам ругается на чём свет стоит, яростно шурует зонтиком под скамейкой, но объекта её гнева пока не видно. Тогда я подхожу и этак по-русски, будто нахожусь не в Парижске, а где-нибудь в Старой Кошме, спрашиваю, могу ли чем уважаемой соотечественнице помочь. Она выпрямляется, окидывает меня цепким взглядом и делает лицо наподобие чернослива. Улыбается, то есть. О, говорит, милый мальчик из России. Ах, Россия, *belle Russie*, детство, юность, ностальгия. Конфетки, бараночки, Дедушка Мороз. Конечно, говорит, дитя, вы можете мне помочь. Я, говорит, хочу своего драгоценного пёсика, наследство покойного мужа, барона де Шовиньяка, вытащить из-под этой вот дьявольски низкой скамейки. А потом, говорит она уже чуточку другим тоном, шкуру с него спустить и вообще – хм, хм... закопать. В землю. Ибо тварь он неблагодарная и пакостливая. Гостям в обувь гадит («Повторяюсь, – мелькнула мысль, – это я уже говорил Ладе с Лелей; к тому же во Франции, придя в гости, разуваться вроде не принято; а впрочем, какая разница!»), ценные вещи грызёт. Причём предпочтение отдаёт антиквариату и предметам искусства. И вообще, барон, покойничек, был изрядною, *entre nous soit dit*¹⁵, сволочью. И его щеночек точно такой же. Такой же, знаете ли, породистый и такой же сволочной. Достаньте мне его из-под скамьи, *mon ami*, и я подарю вам тысячу франков или даже... Эх, говорит она и широко взмахивает зонтом, была не была, просите, что пожелаете. Хотите эскиз самого Гогена? Ей-богу, не пожалею за возможность эту гадину обнять в последний раз. И делает баронесса пальчиками такие, знаете, Анечка, хватательные движения, демонстрируя, как именно бедного щенка обнимать собирается. Он, говорит, поверите ли, моего возлюбленного за пипи... ой, *pardon*, за... закусал едва не до смерти. И возлюбленный меня покинул. Тут старушка умолкает, одним глазом роняет слезу, а другим зорко следит за моей реакцией. Я сочувствующе вздыхаю и готов уже предложить ей свой платок, но тут окончательно растаявшая «Триумфальная арка» падает мне на брюки. Платок приходится использовать самому. Старушка со слезинкой справляется самостоятельно и продолжает жаловаться. А ведь был-то, говорит, возлюбленный лишь едва-едва старше вас, молодой человек. Где другого такого скоро найдёшь? О, *mon ami*, как я несчастна.

Жерар смотрел на меня во все глаза. В его диковатом взгляде явственно читалось: «Ну что же ты врёшь, подлец! Как сивый мерин всё равно. Ни стыда, ни совести».

– Я человек мягкий, животных люблю до обмороков, ну и уговорил баронессу помиловать пёсика, пообещав забрать с собой. Она так обрадовалась, что совершенно подобрела и даже на радостях предложила мне заменить её покусанного друга. Хотя бы на недельку. Тогда Гоген уж точно станет моим. *Au diable la Gogen*¹⁶, вместе с его эскизами, когда речь зашла о любви.

– А ты что? – чуточку напряжённо спросила куколка моя Аннушка.

Я отметил это «ты», это напряжение, и поздравил себя. Успех достигнут, и успех несомненный.

¹⁴ Старушка (*фр.*).

¹⁵ Между нами говоря (*фр.*).

¹⁶ К дьяволу этого Гогена (*фр.*).

– Отказался, понятно. Терпеть не могу постимпрессионизма, – успокоил я её. – Таким вот путём Жорик и сделался моим. Вместе с родословной, медалями и напутственными словами баронессы Наталии де Шовиньяк, урождённой Рукавицыной, приводить которые в вашем, Анечка, обществе я ни за что не рискну.

– Bravo, bravo, – раздался над моим ухом женский голос. Голос переполняли начальственные интонации, и, чёрт возьми, он показался мне отчего-то знакомым. Аннушка поспешно отодвинулась от меня и побледнела. Я повернул голову, и кровь бросилась мне в лицо. Уши вспыхнули. Голос принадлежал поджарой ярко-рыжей красотке средних лет, одетой в строгий брючный костюм. С недавнего времени красotka эта была известна мне – и известна, как никакая другая.

Щучка повторила «bravo», поаплодировала одними пальчиками и сказала сухо:

– Анна Антоновна, вернитесь к своим обязанностям. – Аннушка мигом исчезла. – А вы, дружок, – она посмотрела прямо мне в глаза, и я вмиг покрылся мурашками, – обладаете, как видно, поистине разносторонними талантами. Меня весьма заинтересовал ваш рассказ. Не желаете ли продолжить его в моём кабинете?

– В вашем кабинете? – смятённо пробормотал я.

– О, это рядом. Всего несколько шагов. Дело в том, что этот миленький магазинчик принадлежит мне. Идёмте. Вижу, вам стало жарко. (Я действительно взопре.) В кабинете я смогу предложить прохладительные напитки и, само собой, кондиционирование. Думаю, оно окажется нам весьма кстати.

Да уж, конечно. С её-то темпераментом.

Она стрельнула по сторонам глазами, раздула ноздри и страстно прошептала:

– Знаю, знаю, о чём вы сейчас подумали. У, дерзкий! Дерзкий! Но не обольщайтесь, гадкий мальчишка, на этот раз без боя я не сдамся.

Этого-то я и боялся.

– Простите, – сказал я щучке, суетливо переступая на месте и бросая беспокойные взгляды в сторону выхода. – Ни за что не посмел бы вам отказать, но моему питомцу пора побегать на воле. У него крайне слабый кишечник. Смотрите, как он волнуется! – Я незаметно сжал ногтями нежную пёсью подмышку. Жерар трогательно заскулил, поджав хвостик и дёргая шкуркой. Я подпустил в голос тревоги: – Промедление может оказаться непоправимым.

Мадам владелица бутика посмотрела на пса с сомнением. Перевела взгляд на меня. Грудь её (скорей не женских, а подростковых пропорций) бурно вздымалась, глаза хищно блеснули. Похоже, в плотоядные щучьи планы, связанные со мной, также не входило промедление.

«Да помогай же, чертяка!» – воззвал я к Жерару телепатически и щипнул его вторично.

Он застонал совсем уж душераздирающе, и в тот же миг по моей руке заструилось что-то горячее. Через секунду капля весело забарабанила по полу.

Щучка оторопело вытаращилась на возникшую лужицу. Я отставил как можно дальше руки с притихшим бесом и застыл полнейшим истуканом, борясь с огромным желанием немедленно свернуть ему шею.

– Что же вы стоите! – пронзительно взвизгнула щучка. – Поглядите, что он делает! Убирайтесь, убирайтесь живо!

Не дожидаясь приглашения вернуться после того, как собачка погадит, я сбежал. К сожалению, мне так и не удалось напоследок встретиться с Аннушкой взглядами. И уж тем более переброситься парой фраз.

Значит, опять в «Папе Карло» будут танцевать этим вечером без нас. А какой бы мы могли стать парой! Принц и принцесса вечера. («Буратино и Мальвина!» – подсказал какой-то ехидный голосок, уж не Жераром ли внушённый? – но я раздавил его, как мерзкого паука.) А то и месяца. И тогда – романтический тур на двоих в экзотическую страну...

Чёртова щучка!

На улице мы оба дали волю чувствам. И хотя бес не имел возможности прибегнуть к человеческой речи, лай его был мне понятен как никогда.

Потом мы шли по направлению к моему дому, и я уговаривал его согласиться, что Аннушка, куколка моя, настоящее чудо. Совершенство. Какая талия! Плечи! Волосы! А какие глаза! В ней нет ни единого изъяна, и до чего она при этом чиста! Розовела от самых невинных шуток.

– О дети, дети! как опасны ваши лета! Мышонок не выдавший света попал в беду, – подал голос бес, – В том-то и дело, что она слишком уж идеальна. Ей года двадцать два – двадцать три, она очень хороша собой и сексуальна, она работает в подчинении у этой рыжей стервы, которая готова изнасиловать даже манекена. Вокруг неё крутится множество богатых и просто наглых мужиков, – и при том Аннушка выглядит да, похоже, и является девственницей. Поверь моему колоссальному опыту, Паша, что-то тут нечисто.

– Дурак ты, Жорик, – сказал я мягко. – Твой колоссальный опыт хорош, когда разговор идёт о всякой человеческой и нечеловеческой дряни. Нам же посчастливилось столкнуться с одним из тех людей, в существовании которых и состоит смысл нашей цивилизации. Это же ангел во плоти.

– А может ты и прав, коллега, – неожиданно согласился он. – И всё равно... Думаешь, влюблённость в ангела и особенно его ответная любовь способна принести счастье?

Я мечтательно вздохнул.

– Зря спросил, – констатировал бес.

Когда мы расставались, уже помирившиеся, он задумчиво протявкал:

– Одного не пойму. Откуда тебе стало известно про эту старую каргу де Шовиньяк? Я же никогда и никому о ней не говорил...

* * *

Сколько верёвочке ни виться, концу быть. Неделя минула. Софье Романовне, как и следовало ожидать, я вполне пришёлся ко двору. Ещё бы, такой пай-мальчик!

А раз испытания закончились, начались труды иного порядка...

Я стоял перед мажордомом Софьи Романовны и выслушивал наставления. Ибо ждало меня сегодня впервые дежурство не обычное, а ночное. Узнав о такой с его точки зрения колоссальной удаче, Жерар возликовал прямо-таки непотребно. «Паша, она сама сегодня соблазнит тебя. Сдохнуть мне, если не так!» – лаял бес, подпрыгивая от избытка переполнявших его чувств. «Ты сдохнешь гораздо раньше, если не заткнёшься», – сказал я ему сердито. Однако в животе у меня что-то сладко зашевелилось, а руки слегка задрожали.

Бес оценивающе посмотрел на меня и многозначительно заворчал.

Анатолий Константинович был по обыкновению серьезен, деловит, и конкретен воистину лапидарно. Поэтому двухминутного инструктажа вполне хватило. И так всё ясно. Нос не в свои дела не совать, выполнять малейшие хозяйские прихоти, спать с 24.00 до прихода кухарки Танюши Петровны утром, примерно в 05.30. А главное, «следить, чтобы болонка на ковер не гадила».

Жерарчика болонкой не заденешь. Стоило закрыться за мажордомом входной двери, как бес шмыгнул куда-то в глубины Сонечкиных апартаментов. Донесшийся вскоре смех и сюсюканье сообщили мне, что он приступил к своей части работы.

Я уселся за компьютер. На «винте» его, давно мною изученном, никаких конфиденциальных сведений не имелось, а содержались одни игрушки-безделушки; зато новейшие и сетевые. Ночь я намеревался провести в борьбе с виртуальным злом.

Если, конечно, не начнут сбываться кое-какие пророчества моего напарника. Что вполне вероятно, подумал я и помимо воли начал воображать, *как* они могут сбыться.

Воображение у меня – будь здоров, так что вскоре пришлось принимать самые кардинальные меры, чтобы его обуздать. Когда я выбрался из ванной, лязгающий зубами после ледяного душа, всюду звенел серебряный колокольчик. Собрав в кулак остатки мужества (да простится мне эта двусмысленность), я поспешил на зов.

– Поль! – Софья Романовна выглядела радостно возбуждённой. – Забери, пожалуйста, своего проказника. Ко мне сейчас пожалует деловой партнёр. Боюсь, я не смогу уделить ему достаточно внимания, если этот малыш будет рядом. Твоя помощь пока тоже не потребуется.

– Ты понял? – шепнул я Жерару торжествующе, удаляясь на безопасное расстояние. – Никакого соблазна не будет.

– Тогда откуда столько ликования? – удивился он. – Или это истерика разочарованного в лучших мечтах человека?

Я врезал ему щелбан. За истерику.

– Какое счастье, что в моем окружении скоро станет на одного самоуверенного беса меньше.

– Это почему? – сделал он вид, будто не понял.

– Если к третьим петухам я не окажусь в Сонечкиной кровати, ты, милочка, сдохнешь. Таков неумолимый закон природы. Бесы всегда, всегда выполняют свои обещания.

– О, ну, разумеется! При условии, что, обещая, не лгут намеренно и даже злонамеренно. Кроме того, Паша, – вздохнул он в притворном сожалении, – разве ты слышал от меня слово «клянусь»? Ведь глупо было бы...

Я закатал ему второй щелбан – хлёсткий и звонкий. Что называется, в бессильной злобе.

* * *

Софья сама встретила «делового партнёра», великолепно сложенного двухметрового красавца, прямо в прихожей. Красавец назвал её своей прелестницей, преподнёс роскошный букет роз и нежно поцеловал в губы. Затем бросил мне на руки длинный шёлковый шарф, показал пальцами «убирайся» и поцеловал Софью опять. Не без труда высвободившись из его объятий, пунцовая от удовольствия и смущения Софья пробормотала:

– Поль, меня нет ни для кого. Ты понимаешь?

Я усердно закивал.

– Поль? – с брезгливым удивлением сказал красавец. – Какая глупая кличка. Он что, перераст? Дама с собачкой? Ха-ха-ха!

Софья закрыла ему ладошкой рот, с протестующей интонацией зашептала на ухо. Красавец пожал скульптурным плечом, смерил меня презрительно-насмешливым взглядом и повлёк Софью прочь.

Лязгнули запоры, отделяющие дортуар от «людской».

– Лучше молчи, зверь, – процедил я. Меня всего трясло. Я бешено поглядел на барский шарф, потом поднёс к носу, тщательно высморкался, аккуратно скатал трубочкой и швырнул свёрток в угол.

– Рискнешь вылететь без выходного пособия, – предупредил Жерар.

– Да я ему ещё весь курятник распинаю, козлу поганому...

– Ах, Моська, знать, она сильна, коль лает на слона, – пискнул бес и сейчас же опасливо отскочил подальше.

– Напарник, – задушевно сказал я, присаживаясь на корточки. – Самый дохлый комбинатор способен пройти насквозь полуметровую каменную стену. Туда и обратно. Ты думаешь, это легко? Попробуй! Давай, примени свои сверхъестественные способности!

Бес пробурчал излюбленное «глупо было бы...» и «ага, разбежался!», после чего отскочил ещё дальше. Испугался, что я захочу ему помочь в немедленном совершении транспозиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.